

ГОУ ВПО
«Арзамасский государственный педагогический
институт им А.П. Гайдара»

В.Н. Мартьянов

**ВОЛГО-КАМЬЕ
В ЭПОХУ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗА**

Учебное пособие

Арзамас
АГПИ
2009

ББК 63.4 (2)4
УДК 930.26
М 29

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Арзамасского государственного педагогического института
им. А.П.Гайдара

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Е. В. Кузнецов;
доктор юридических наук, профессор Т.Л. Мигунова

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор Е.П. Титков

Мартьянов В.Н.

М29 Волго-Камье в эпоху раннего железа: учебное пособие /
В.Н. Мартьянов; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ им. А.П.
Гайдара; – Арзамас: АГПИ, 2009. – 71 с.
ISBN 978-5-86517-437-0

Учебное пособие написано и рассчитано на студентов и преподавателей исторических факультетов вузов и всех тех, кто интересуется древнейшим прошлым своего родного края.

УДК 930.26
ББК 63.4 (2)4

ISBN 978-5-86517-437-0

© Мартьянов В.Н., 2009
© Арзамасский государственный
педагогический институт
им. А.П. Гайдара, 2009.

Содержание

Введение	4
Глава 1. Дьяковская культура	6
1.1. Расселение племён дьяковской культуры. Хронология и периодизация	6
1.2. Поселения и жилища. Хозяйство	7
1.3. Происхождение и этническая принадлежность	14
Глава 2. Городецкая культура	25
2.1. Расселение племён городецкой культуры. Хронология и периодизация	25
2.2. Поселения и жилища. Хозяйство	29
2.3. Происхождение и этническая принадлежность	33
Глава 3. Андреевская культура	40
3.1. Андреевский курган	40
3.2. Расселение племён андреевской культуры. Датировка и основные черты культуры	42
3.3. Происхождение и этническая принадлежность	43
Глава 4. Ананьинская культура	51
4.1. Расселение племён раннеананьинской культуры. Хронология и периодизация	51
4.2. Поселения и жилища. Хозяйство	51
4.3. Погребальный обряд	53
4.4. Происхождение и этническая принадлежность	60
Заключение	70
Список сокращений	71

Введение

В эпоху поздней бронзы лесная полоса Волго-Камья была заселена племенами *поздняковской*, *приказанской* и *чирковско-сейминской* культур, происхождение которых исследователи в той или иной степени связывают с *волосовской* культурой. Последняя, по мнению Д.А. Крайнова (и ряда других исследователей) своими корнями уходит в *верхневолжскую* и культуру *ямочно-гребенчатой* керамики эпохи неолита. На территории расселения волосовских племён с рубежа III-II тыс до н.э. до середины II тыс. до н.э. проживали ещё и *фатьяновские* племена, а *сурско-свияжская* группа фатьяновских племён (или *балановцы*) проживали совместно с приказанскими племенами до IX в. до н.э. Значительную роль в Среднем Поволжье сыграли *абашевские* и племена, которые, по мнению Т.Б. Поповой, вклинились между поздняковскими и приказанскими племенами. Нельзя не сказать и о племенах *срубной* культуры, которые с юга по долинам рек поднимались к северу вплоть до территории поздняковских племён и оказали на них серьёзное влияние. А на этой огромной территории постоянно встречаются ещё и следы племён феноменальной *сейминско-турбинской* культуры. Но как бы не сложны были этнические процессы в эпоху поздней бронзы, к VIII в. до н.э. на территории Волго-Камья сложились культуры эпохи раннего железа: *дьяковская*, *городецкая* и *ананьинская*. Каждая из этих культур складывалась в различных условиях, определённое влияние на них оказывали традиции предшествующих культур эпохи поздней бронзы. Кроме дьяковской, городецкой и ананьинской культур следует остановиться и на новом периоде в этнической истории народов Среднего Поволжья – на *андреевской* культуре. Андреевский курган был раскопан П.Д. Степановым. И как только материалы этого памятника были опубликованы, они сразу же вызвали оживлённую дискуссию о месте и роли памятников этого типа на рубеже эпох. Андреевская культура впервые была выделена В.И. Вихляевым в его монографии «Происхождение древнемордовской культуры» (Саранск, 2000). Можно соглашаться или не соглашаться с выводами В.И. Вихляева, но без материалов Андреевского кургана эпохи раннего железа в Волго-Камье рассматривать невозможно.

Расположение материала в главах обусловлено различной степенью изученности указанных территорий и характером памятников. Основные памятники дьяковской культуры (городища и селища) изучены довольно полно и дают яркую картину о расселении, характере оборонительных сооружений, планировке жилищ, хозяйстве. В то же время нет, практически, сведений о погребальных памятниках.

2.

Памятники городецкой культуры занимают огромную территорию Волго-Окско-Сурско-Цнинского междуречья (и несколько шире), но изучены в меньшей степени. Практически полностью исследована площадка только Екатерининского городища в Пензенской области. Открытые поселения мало известны и мало исследованы. Нет никаких сведений о погребальных памятниках. В различной степени освещена эта культура и в научной литературе. Например, Свод археологических источников по городецкой культуре был опубликован в 1952 году (Смирнов А.П., Трубникова Н.В.), и только в 2000 году В.И. Вихляевым была предпринята попытка обобщить накопленные за 50 лет материалы.

На территории ананьинской культуры известны городища, поселения и могильники. Очень богатая погребальная обрядность позволяет реконструировать с большой степенью достоверности общественное устройство, материальную и духовную культуру ананьинских племён.

Глава 1. Дьяковская культура

Волго-Окское междуречье, территория которого впоследствии стала центром Русского государства, с VIII в. до н.э. было заселено племенами дьяковской культуры. Изучение этих памятников начал В.И. Сизов в 1889 г. с раскопок Дьякова городища, давшего название всей культуре. В начале XX в. А.А. Спицын выделил характерные черты этой культуры. Позднее материалы новых исследований дьяковских городищ и селищ освещались в капитальных трудах В.А. Городцова, П.Н. Третьякова, Е.И. Горюновой и других исследователей. В последние годы коллективом сотрудников Московской экспедиции ИА АН СССР (А.Ф. Дубынин, К.А. Смирнов, И.Г. Розенфельдт, Р.Л. Розенфельдт, К.И. Крис, В.В. Седов, Ю.А. Краснов и др.) были произведены большие работы в западных районах Подмосковья. Были опубликованы материалы и исследования по археологии СССР («Древнее поселение в Подмосковье» (М., «Наука», 1970. Вып.156); «Древнее поселение в Подмосковье» (М., «Наука», 1971. Вып.184); коллективный труд «Дьяковская культура» (М., «Наука», 1974).

1. 1. Расселение племён дьяковской культуры. Хронология и периодизация

Сопоставление ареалов распространения сетчатой керамики, грузиков дьякова типа и собственно памятников дьяковской культуры позволяет выделить территорию, занятую дьяковскими племенами (табл. 1).

Классическим признаком дьяковской культуры считаются грузики дьякова типа, которые в Волго-Окском междуречье появляются к середине I тыс. до н.э. и исчезают примерно в середине I тыс. н.э., что и городища. К.А. Смирнов, классифицируя эти грузики, выделяет 21 их разновидность (табл. 2, 3).

Посуда с сетчатой поверхностью также является характерным признаком дьяковской культуры и распространена она в I тыс. до н.э. и доживает до III в. н.э., однако ареал распространения керамики с сетчатой поверхностью шире: среднее и нижнее течение Оки, среднее течение Волги, Эстония, север Европейской части России.

Дьяковскую культуру выделяет среди других и такой признак: многие предметы, которые на соседних территориях, как правило, из-

готовлялись из бронзы, на территории междуречья Волги и Оки делались из железа (например, булавки со спиральной головкой, пряжки и подвески к поясу).

Картографирование указанных признаков, наряду с городищами и поселениями, позволяет достаточно убедительно наметить границы дьяковской культуры. Южная граница ее, скорее всего, проходила по Оке. Далее к западу она шла по Протве и водоразделу рек Москвы и Вазузы. На западе к территории дьяковской культуры следует отнести верховья Западной Двины и Ловати. Северную границу культуры в настоящее время указать трудно, так как этот район еще недостаточно обследован. Во всяком случае, по Волге дьяковские городища доходили до Костромы. На востоке дьяковская культура граничила с городищной (табл.).

Датировка городищ дьякова типа на протяжении многих лет вызывает споры. А. А. Спицын время расцвета городищ относил к VI-VIII вв. н.э. Вторая хронологическая шкала для дьяковских городищ была выработана В. А. Городцовым. Раннюю дату – VII-VI вв. до н.э. – он установил на основании материалов Старшего Каширского городища, а позднюю – IV-V вв. н.э. – по материалам Огубского городища. К. А. Смирнов и А. Ф. Дубынин определяют конечную дату существования дьяковской культуры как V-VI вв. н.э. К.А. Смирнов выделяет три этапа в развитии городищ и датирует дьяковскую культуру временем с VII в. до н.э. по VI вв. н.э.

I этап (с VII-VI до III в. до н.э.) – период образования городищ и ранний период их существования.

II этап (с III-II вв. до н.э. по II в. н.э.) – период наибольшего расцвета дьяковской культуры. Площадки городищ расширяются, строятся новые укрепления, в большинстве случаев валы образуют два или три оборонительных кольца.

III этап (II-III вв. по V-VI в.) Фортификация городищ остается прежней.

И.Г. Розенфельдт на основе анализа керамики выделяет 4 этапа развития дьяковской культуры и датирует её временем с VIII в. до н.э. по VIII (X?) вв. н.э.

1. 2. Поселения и жилища. Хозяйство.

Городища сооружались, как правило, на мысу между рекой и ручьем или между двумя ручьями (оврагами). Иногда (например, Щербинского), использовался останец, находившийся в низменности. Городища обычно господствовали над окружающей местностью. В ряде

случаев, как это проследил О.Н. Бадер на Пекуновском городище, до сооружения укреплений существовали и неукрепленные селища.

С напольной стороны городища чаще защищались двумя (реже – тремя) валами, перед каждым из которых выкапывали ров. Хорошо сохранились укрепления Михайловского городища на р. Озерне. Городище располагалось на мысу с пологими склонами, на краю холма. Площадка окружена двумя параллельными кольцами валов, в каждом из которых было по одному проходу, размещавшихся на противоположных сторонах. Проходы в валу закрывались воротами. Противник, преодолевший ворота во внешнем валу, должен был или штурмовать вал, или продвигаться между валами к воротам во внутреннем валу. Трудно сказать, были ли какие-либо сооружения, заставлявшие противника избирать левую дорогу. Прием, когда противника старались повернуть к стене правой, не закрытой щитом стороной, хорошо известен с глубокой древности. Но независимо от того, знали обитатели городища этот прием или нет, оборонительные сооружения на памятниках мощны и свидетельствуют о высоком военно-инженерном искусстве их обитателей.

Впервые остатки 22 круглых в плане землянок диаметром от 4,5 м до 7 м были открыты на Старшем Каширском городище В. А. Городцовым. На ровном полу или в небольшом углублении в середине каждой землянки находился очаг. В некоторых случаях очаг обкладывали камнями из местного известняка. В. А. Городцов считал, что в землянке имелись нары, на которых обитатели сидели или лежали.

Ю. А. Краснов реконструирует жилища Успенского городища как несколько углубленные в землю, с двускатной кровлей, опиравшейся на опорные столбы внутри, с открытым очагом, расположенным в углублении или на возвышении. Для выравнивания пола использовалась глиняная обмазка толщиной 0,15-0,20 м. Очаг из камней располагался на возвышении из глины.

Наиболее древними жилыми сооружениями А. Ф. Дубынин считает *кольцевые* постройки, своеобразные *жилые* стены. Размеры камер не превышали 3х6 м, а ширина постройки достигала 4-4,5 м. Поселения с жилыми стенами встречались на широкой территории у разных народов в разное время. А. В. Збруева при раскопках Конечгорского селища (ананьинская культура) обнаружила остатки длинного девятикамерного жилища. А. В. Збруева считает такой тип жилищ характерным для многих народов на стадии родового строя, она находит ему параллели как в Европе, так и в Америке.

На городище Березняки и Попадьинском селище, относящихся к позднему периоду дьяковской культуры, почти к её концу, удалось проследить всю застройку и планировку. На площадке Березняковско-

го поселения обнаружены следы 11 построек. Они располагались двумя рядами, оставляя посередине свободное пространство в виде улицы шириной 10-12 м. Вдоль южной стороны стояло семь построек, вдоль северной – три. Около входа на городище помещался загон для скота. Постройки были выделены на основании тлена от сгнивших срубов, очагов, столбовых ям, предметов, втопанных в пол жилища. В центре площадки находился сруб размерами 5х8 м. Удалось проследить технику рубки «в чашу». На земляном полу в центре помещался очаг из камней. По мнению П. Н. Третьякова, крыша была двускатной. К западной стене дома примыкал небольшой навес на столбах. Это было не обычное жилище, а общественное здание. Такой вывод сделан П. Н. Третьяковым на основании больших размеров постройки и почти полного отсутствия бытового инвентаря.

В двух постройках отмечены следы обработки железа. В одной из них размерами 5х3 м обнаружен огромный очаг, вокруг которого валялись крицы и шлаки. Во второй постройке, размерами 4,5х10 м, площадь очага достигала 4 кв. м. Большое количество железных шлаков и криц вокруг очага указывает на назначение постройки. Была исследована еще одна постройка, также связанная с производством. Пол ее был несколько углублен в землю. Крыша, по-видимому, держалась на столбах, а стены состояли из плетня и были присыпаны снаружи землей. У западной стенки находился очаг из камней. Был также обнаружен рубленный из бревен домик размерами 5х3 м, в котором мололи и хранили зерно. Очага в нем не было.

Попадьинское селище исследованное Е. И. Горюновой и датированное VI-VII вв. н.э., не имело земляных оборонительных сооружений. Всего на поселении, учитывая материалы прежних раскопок, обнаружено 12 построек. Особый интерес имеет исследованный Е. И. Горюновой многоочажный дом размерами 20х6 м – бревенчатая постройка с несколько углубленным земляным полом. По мнению Е. И. Горюновой, дом был покрыт двускатной крышей. Выход был не на торцевой стороне, а посередине, и обращен в сторону реки. В постройке найдены пять очагов. Е. И. Горюнова считает, что два из них перед разрушением постройки были заброшены, а три действовали. Четыре очага представляли собой небольшие углубления около 1 м в диаметре, заполненные камнями и золой. Исследована также небольшая глинобитная сводчатая печь, стоявшая на земляной подушке. Основание ее было укреплено квадратной деревянной рамой около 1 м в поперечнике. При исследовании Троицкого городища изучено 56 построек и прослежена общая тенденция изменения домов от крупных к малым.

Погребальные памятники племён дьяковской культуры мало исследованы. Е.И. Горюнова, Ю.А. Краснов, Н.А. Краснов допускают наличие у дьяковского населения обряда захоронения в «домиках мёртвых». Одно их таких сооружений найдено в 1966 году на городище близ Саввино-Сторожевовского монастыря под Звенигородом. Погребальное сооружение обнаружено в средней части площадки городища. Культурный слой здесь имел незначительную мощность (0,1-0,2 м) и отличался слабым насыщением культурными остатками.

Остатки сооружения представляли собой подпрямоугольное углубление в материке размером 2,0x1,2-1,3м. Максимальная глубина его составляла от уровня материка 0,55 м, от поверхности – 0,62 м. Углубление было ориентировано длинной стороной с севера на юг. Восточная и западная стенки отвесные, северная – пологая, в южной – имелась ступенька. Вдоль северной, западной и восточной стенок, уже вне углубления, на расстоянии 0,1-0,22 м от его края, на уровне материка прослежены следы древесного тлена, по-видимому, от бревен сруба, построенного над углублением. По периметру углубления, на расстоянии 0,2-0,4м от его краев, на том же уровне лежали крупные камни, которыми, вероятно, была обложена внешняя сторона стен сруба. Вход в сооружение находился с южной стороны, где имелась ступень высотой около 0,25 м от уровня пола. Рядом со входом находилось земляное возвышение высотой от уровня пола около 0,4 м. На полу у входа имелось небольшое углубление диаметром около 0,35м, заполненное углем и золой, под которыми наблюдался провал материка – остатки открытого очага, имевшего, по-видимому, ритуальное назначение. Слабый угольный слой восточнее доходил до стенки ямы. Конструкция этого сооружения, прямоугольного, срубного, с углубленным в землю полом и земляной же ступенью, ведущей внутрь, со входом в одной из узких сторон и открытым очагом, близко напоминает жилища, известные на ряде позднедьяковских поселений. По аналогии с ними кровлю его можно реконструировать как двухскатную. Очевидно, погребальное сооружение копировало жилища этого периода, являясь своеобразным «домиком мертвых». Судя по размерам сооружения, максимальная высота его внутреннего пространства вряд ли превышала 1,7-1,8 м, так что встать в рост человек мог только в средней части его. В дверь же можно было входить только сильно согнувшись.

Яма постройки, заполненная черной землей, в верхних горизонтах содержала древесный тлен, вероятно, от рухнувших стен и перекрытия. С глубины 0,2-0,25 м в северной части ямы, прослеживались скопления обломков глиняной посуды, под которыми находились небольшие скопления мелких обломков кальцинированных человеческих костей с прилипшими к ним частицами золы, угля, обожженной глины

– остатки трупосожжений, совершенных на стороне. В средней и южной частях постройки они встречены только на уровне пола. Кальцинированные кости всегда лежали под обломками посуды или среди них. Очевидно, остатки сожжений либо помещались в сосуды-урны, либо прикрывались целыми или разбитыми сосудами. Постановка сосудов рядом с погребениями, вероятно, не практиковалась.

Всего в сооружении зафиксировано не менее 24 погребальных комплексов, состоящих из скоплений обломков или почти целых сосудов и кальцинированных костей. Количество последних никогда не превышало двух-трех десятков: на место захоронения переносилась видно, лишь небольшая часть праха умершего, так что погребения в известной мере символический характер. В четырех случаях вместе с остатками сожжений были положены бронзы украшения или их фрагменты, имевшие следы огня, в двух случаях рядом с кальцинированными костями найдены кости конечностей лошади. Характерно наличие в каждом комплексе обломков сосудов, пережженных на сильно ж деформированных. Воздействию огня они подверглись только с одной стороны. Вероятно, эти сосуды ставились рядом с кремируемым покойником и были принесены в «домик мертвых» вместе с кальцинированными костями и остатками погребального костра. Бронзовые украшения из «домика мертвых» позволяют датировать его в широких пределах третьей четвертью I тыс. н. э., чему не противоречит керамический материал.

И.Г. Розенфельдт на основе анализа керамики выделяет 4 этапа развития дьяковской культуры и датирует её временем с VIII в. до н.э. по VIII (X?) вв. н.э.

I этап (VIII-IV вв. до н.э.) – характеризуется наличием *гладкостенной*, *сетчатой* и *штрихованной* посуды *горшковидной* формы.

II этап (IV в. до н.э. – III в. н.э.) – уменьшается количество сетчатой и штрихованной керамики. К концу этапа она начинает исчезать.

III этап (III-V вв. н.э.) – гладкостенная посуда получает своё дальнейшее развитие, появляются *миски*, *крышки* и *лощёная* керамика.

IV этап (VI-VIII (X?) вв. н.э.) – появляются *сковородки*, *остропреберные* гладкостенные горшки и миски, вытянутые гладкостенные горшки и горшки с узким горлом и сильно раздутым в верхней части туловом (табл. 4, 5).

Керамика VIII-VI вв. до н. э. представлена ранними формам слабопрофилированных усеченноконических, округлобоких и ребристых, бочонковидных сосудов. Встречаются хорошо профилированные сосуды с коротким прямым или отогнутым венчиком и расширенным в плечиках округлым или ребристым туловом. Из миниатюрных сосудов встречаются только усеченноконические на толстом поддоне. Ке-

рамики VIII-VI вв. до н. э. представлена только грубой посудой: гладкостенной (58,3%), сетчатой (33%), штрихованной (7,84%).

В V-IV вв. до н. э. появляются горшки новых типов – баночные и банкообразные. Продолжают использоваться миниатюрные сосудики таких же форм. В обработке поверхности исчезают ранние типы штриховки и ложная сетчатость, появляется орнаментальная штриховка в виде зональных расчесов в разных направлениях, применяется гребенчатый орнамент, появляются штамповый (фигурные штампы в виде розеток, спиральных и двудольных вдавлений и т. д.) и ямчатый.

Комплекс керамики IV в. до н. э. – второй половины I тыс. н. э. характеризуется преобладанием грубой гладкостенной посуды (91,6%), появлением лощеной (1,9%). Кроме горшков и миниатюрных сосудиков появляются миски, крышки, сковородки и сосуды специального назначения.

В III-X вв. сетчатая не характерна. Преобладает гладкостенная керамика разнообразных хорошо профилированных форм (табл. 4). Появляется лощеная посуда, представленная высокими горшками и мисками. Широко распространённые миниатюрные сосудики отражают многообразие форм хозяйственной посуды.

Об устойчивости некоторых типов дьяковской посуды свидетельствуют найденные в славянских курганах этого же района лепные горшки, по форме и орнаменту восходящие к дьяковской керамике середины I тысячелетия н. э.

Хозяйство племён дьяковской культуры было комплексным и включало в себя охоту, рыболовство, скотоводство и земледелие. Основу животноводства составляло свиноводство. Земледелие на ранних этапах развития играло подсобную роль. Развитие железодельного производства обусловило переход к подсечному земледелию. В более поздний период возникли, возможно, зачатки и пашенного земледелия.

Таким образом, **на первом этапе** (период образования городищ и ранняя стадия их существования) распространены круглые чашеобразные землянки, небольшие срубы и многокамерные дома, располагающиеся по периметру поселения и служащие одновременно стеной. Характерна гладкостенная, сетчатая и штрихованная посуда. На поверхность посуды наносился орнамент в виде ямок и углублений, а также прочерченный и выполненный штампом. Металлические предметы в начале этапа довольно редки. Характерно господство костяной индустрии. Среди втульчатых и черешковых наконечников стрел известно несколько десятков разновидностей, имеющих различное хозяйственное назначение. Возможно, наиболее ранними на дьяковских городищах являются овальные наконечники с ромбическим сечением

и с лопаточкой на конце черешка, конические с полулунным окончанием черешка, однотипные наконечники, имеющие овальное, более или менее уплощенное сечение, иногда с намечающейся гранью, однокрылые каширского типа (табл. 6).

Найдено много костяных гарпунов, которые выделяются по способу закрепления на древке: неотделяющиеся и отделяющиеся. Среди неотделяющихся известны гарпуны каширского типа, многозубые овальные из плюсневых и пястных костей с зубьями на одной стороне, овальные многозубовые с зубьями на противоположных сторонах. К концу этого периода относятся пряжки, имеющие параллели на скифских и сарматских памятниках, роговые пряжки, а также стрелы с раздвоенным черешком. С древним этапом, по-видимому, связаны грузики типов 12а, 12б, 12в, 12г и 14, появившиеся, вероятно, в начале этапа. К концу его формы грузиков становятся сложными, возникают типы 8а, 8б, 9, 10а, 10б, 11.

Основой хозяйства на первом этапе было оседлое скотоводство, большую роль играла охота.

На **втором этапе** (время наибольшего расцвета дьяковской культуры) получает широкое распространение гладкая грубая посуда с большим количеством грубых примесей в тесте, богато орнаментированная по краю венчика и верхней части стенок. Площадки городищ расширяются, строятся новые укрепления с валами и рвами, причем в большинстве случаев валы образуют два или три кольца. Господствующей формой жилища становится прямоугольный наземный сруб.

Снижается роль костяной индустрии, но кость продолжает оставаться важным материалом для изготовления оружия и орудий труда. К концу II этапа оружие и орудия труда из железа преобладают над костяными, железные двушипные стрелы становятся массовым оружием. Бронзовые вещи находят параллели в пьяноборской культуре, а также в рязанских могильниках (табл. 7,8). Для II этапа характерны грузики типов 5а, 5б, 6, 7, 8а, 8б, 9, 10а, 10б, 11. В области хозяйства главной отраслью остается оседлое скотоводство. Резко возрастает значение земледелия.

На **III этапе** фортификация городищ остается прежней. Жилищем служит прямоугольный сруб, иногда слегка углубленный. На Огубском городище, сохраняются круглые чашеобразные землянки. Сетчатая керамика исчезает около III в. н. э. Сосуды, как правило, украшены по краю венчика или по стенкам орнаментом. Костяных изделий становится еще меньше, чем на среднем этапе. Стрел мало, и они в основном сделаны небрежно. Изготавливаются костяные проколки, кочедыки, иглы. Резко увеличивается удельный вес железных предметов. Серповидные ножи почти выходят из употребления, широко распро-

страняются ножи с горбатой спинкой. В конце этапа появляются прямые ножи. Встречаются крупные железные предметы: коса-горбуша, кузнечные клещи, кельты и проушные топоры. Многочисленны железные шилья и проколки, иглы. Увеличивается количество изделий из цветного металла. Выделяются местные дьяковские украшения (умбоновидные подвески, бляхи, повторяющиеся изображения на грузиках, и т. д.). Для позднего этапа характерно большое количество красных пастовых и золочёных бус, привозимых с юга. Грузики сохраняют разнообразие типов и богатую орнаментацию. В начале этапа существуют, а потом исчезают грузики типов 5а, 5б, 6, 7, и в продолжение всего этапа изготавливаются грузики типов 1, 2, 3а, 3б, 4.

К концу позднего этапа земледелие становится господствующей формой хозяйства, в результате чего жители стали уходить с городищ на селища. Охота носит уже только подсобный характер.

1.3. Происхождение и этническая принадлежность

К.А. Смирнов и И.Г. Розенфельдт по-разному подходят к принципам выделения дьяковской культуры. По-разному ими определяется и территория культуры. Возможно, что для более четкого и ясного понимания истории населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. следует выделять в этом регионе примерно с III-IV вв. не одну археологическую культуру, как для более раннего времени, а две – в западных и восточных районах.

Вопросы происхождения и этнической принадлежности племён дьяковской культуры сложны и ещё недостаточно разработаны. На ранних этапах развития дьяковской культуры её соседями с востока были племена поздняяковской культуры эпохи поздней бронзы. В керамике VIII-VI вв. до н. э. прослеживаются черты сходства с посудой эпохи поздней бронзы. Ранняя дьяковская керамика близка к керамике поздних памятников поздняяковской культуры. Сходство ранней керамики дьяковских городищ и памятников эпохи бронзы свидетельствует об определенной роли культур эпохи бронзы в сложении культуры дьяковских городищ. На рубеже II и I тысячелетий до н. э. основная область распространения дьяковских городищ была занята памятниками «культуры текстильной керамики», принадлежавшей финно-угорским племенам, к которой относилась и поздняяковская. Изучение керамики Щербинского городища позволяет судить о связях его обитателей с населением других областей. В раннем периоде прослеживаются связи с родственными городецкими племенами. К последним векам до н. э. – началу н. э., кроме того, относятся контакты с финно-

угорским населением северо-западных областей Восточной Европы, а также с синхронными балтскими племенами бассейнов Верхнего Днепра, Верхней Оки и Прибалтики (Восточная Латвия, Литва). В результате этих связей в среду местного населения проникают отдельные группы носителей балтской культуры. В изготовлении керамики при сохранении старых финно-угорских традиций появляются и новые черты, принесенные пришельцами.

После III в. н. э. связи с соседними балтскими областями, главным образом с бассейном Верхней Оки и Верхним Поднепровьем, становятся более интенсивными. Близость форм и орнамента гладкостенной посуды и распространение лощеной посуды, характерной для балтских областей, позволяют предполагать наличие общих этнических элементов в этих культурах, что обусловлено более активным, чем раньше, проникновением групп балтского населения на территорию дьяковской культуры. Культура Щербинского городища, как и других дьяковских городищ того времени, носит смешанный характер. Ее неоднородность проявляется и в керамическом комплексе, и в составе инвентаря, содержащего вещи финно-угорского и балтского типов. Население Щербинского городища в тот период было, вероятно, близко по этническому составу смешанному финно-балтскому населению Троицкого и подобных ему поселений.

По-разному рассматривается и вопрос об этносе дьяковской культуры. К. А. Смирнов и А. Ф. Дубынин считают ее финно-угорской, И. Г. Розенфельдт склоняется к мнению, что финно-угорской дьяковская культура была только на первом этапе своего развития, а позднее стала смешанной – балто-финно-угорской, с постепенным усилением балтских элементов. Во всяком случае, финно-угорская основа дьяковской культуры и наличие в западных ее районах значительного западного, предположительно балтского, элемента признается всеми исследователями. Ю.А. Краснов отмечает, что ряд важных вопросов не нашёл своего аргументированного разрешения: вопросы о происхождении дьяковской культуры, её локальных различиях, об отношении дьяковского населения к летописным мерянам, территория которых по крайней мере частично совпадала с ареалом дьяковской, о судьбах дьяковского населения в период заселения этих земель славянами и его роли в формировании русского населения края. Для решения этих вопросов пока нет достаточных материалов. Очень важны и требуют дальнейшей разработки вопросы о поздней дате дьяковской культуры и об удельном весе финно-угорского и западного, балтского или балто-славянского элемента.

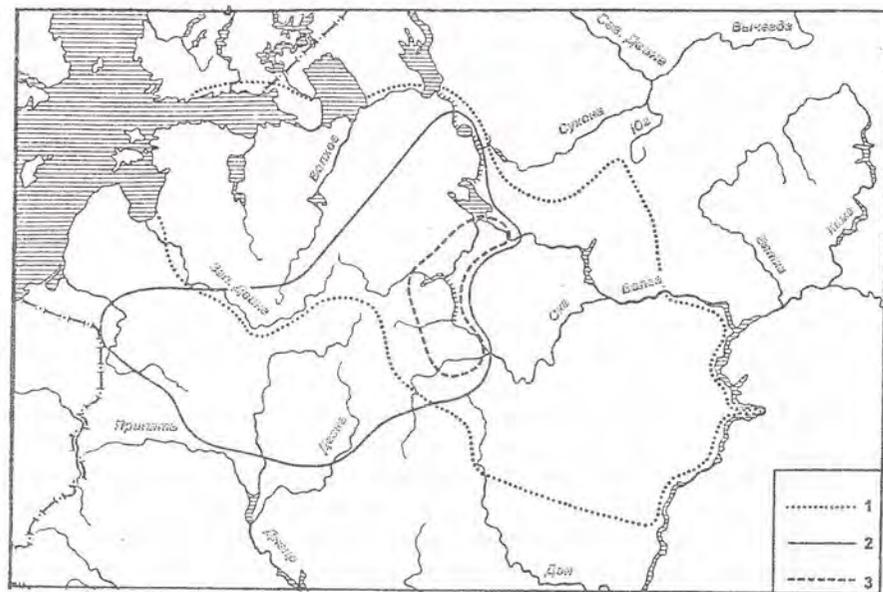

Таблица 1

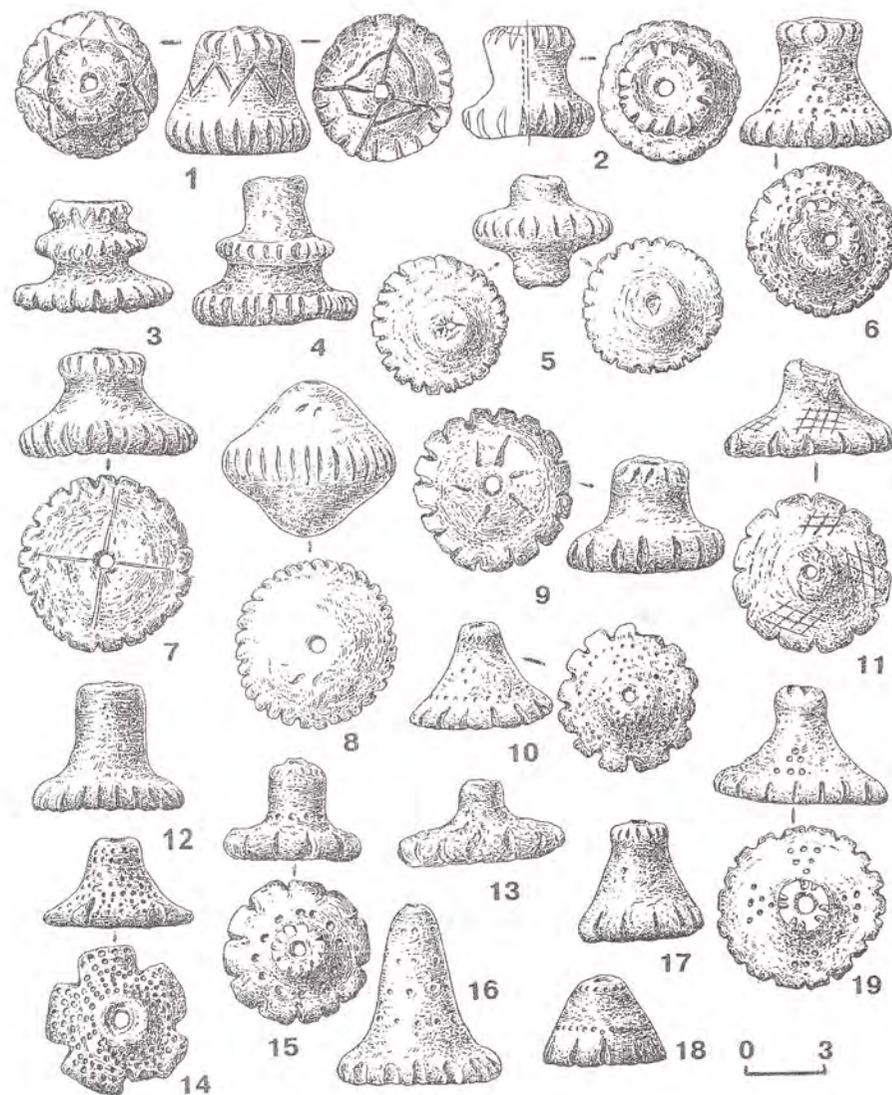

Таблица 2

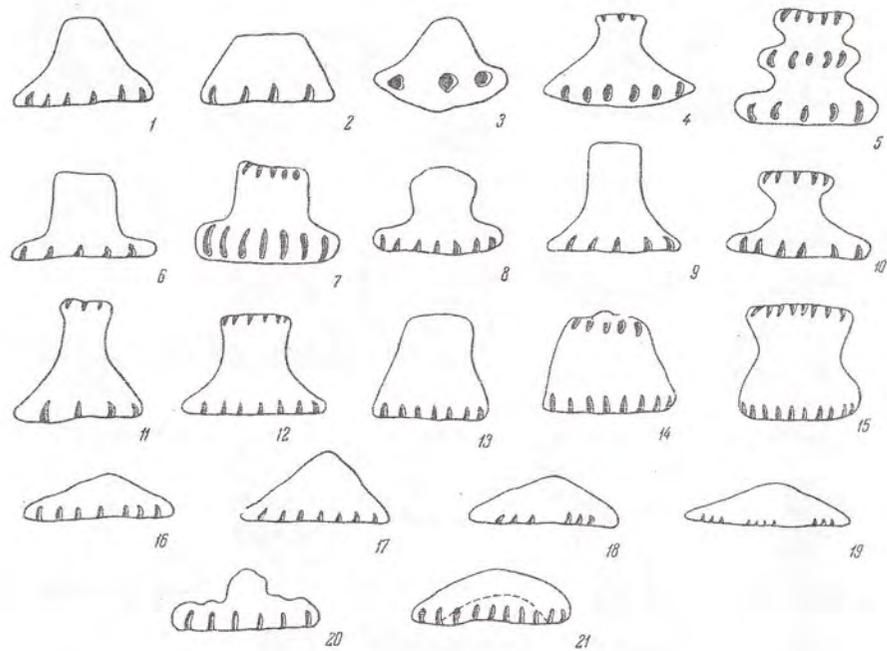

Таблица 3

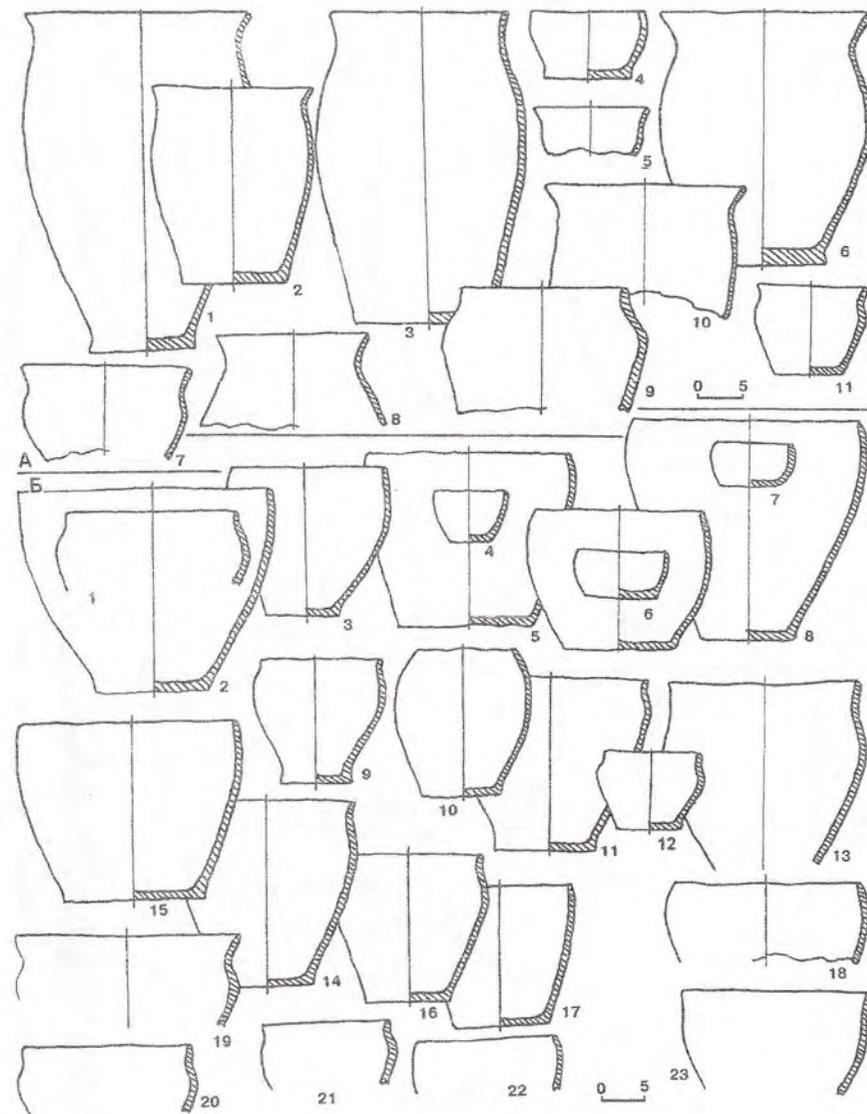

Таблица 4

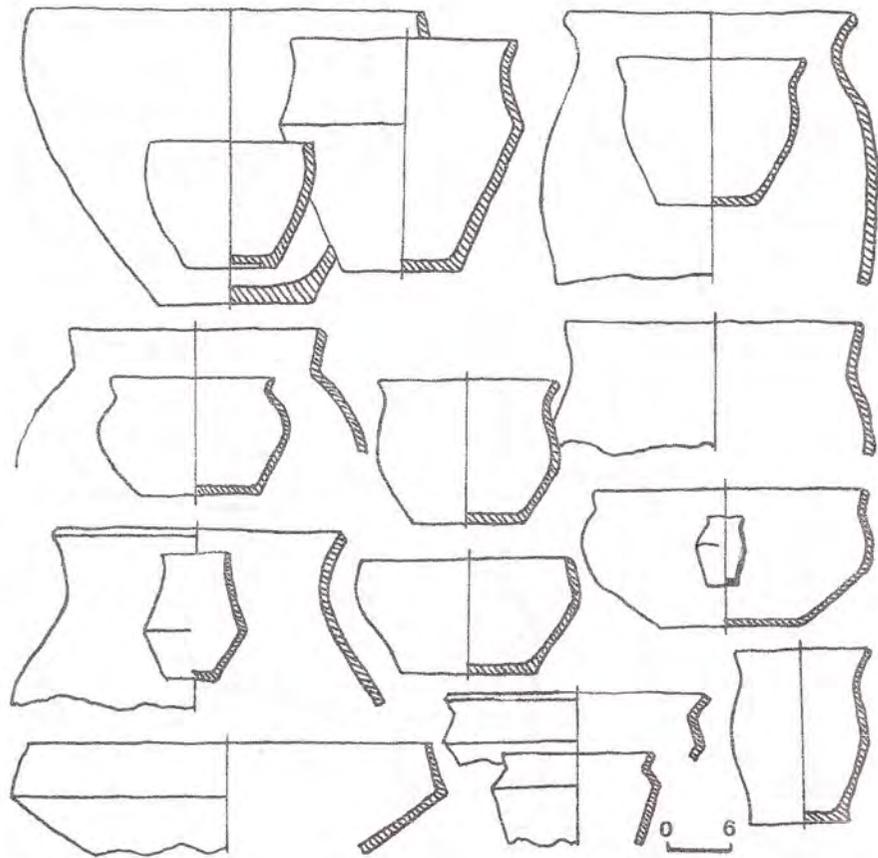

Таблица 5

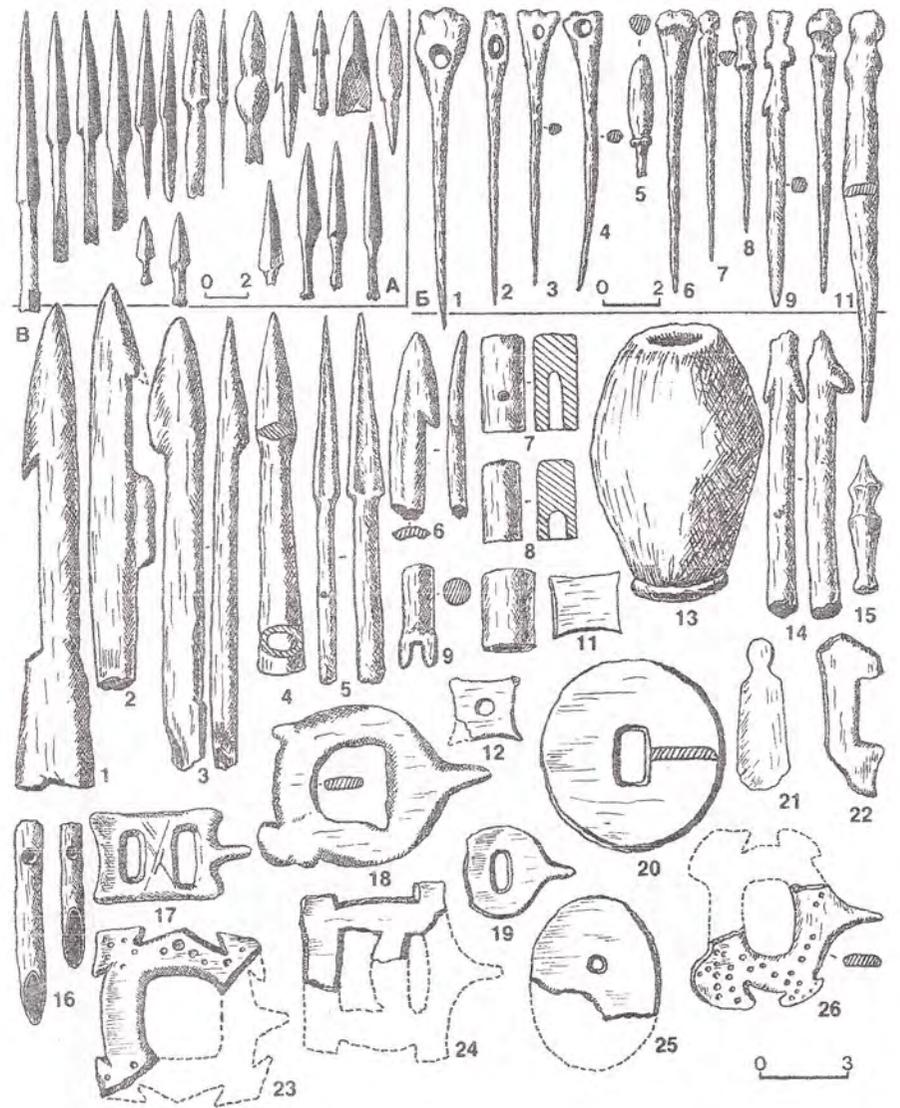

Таблица 6

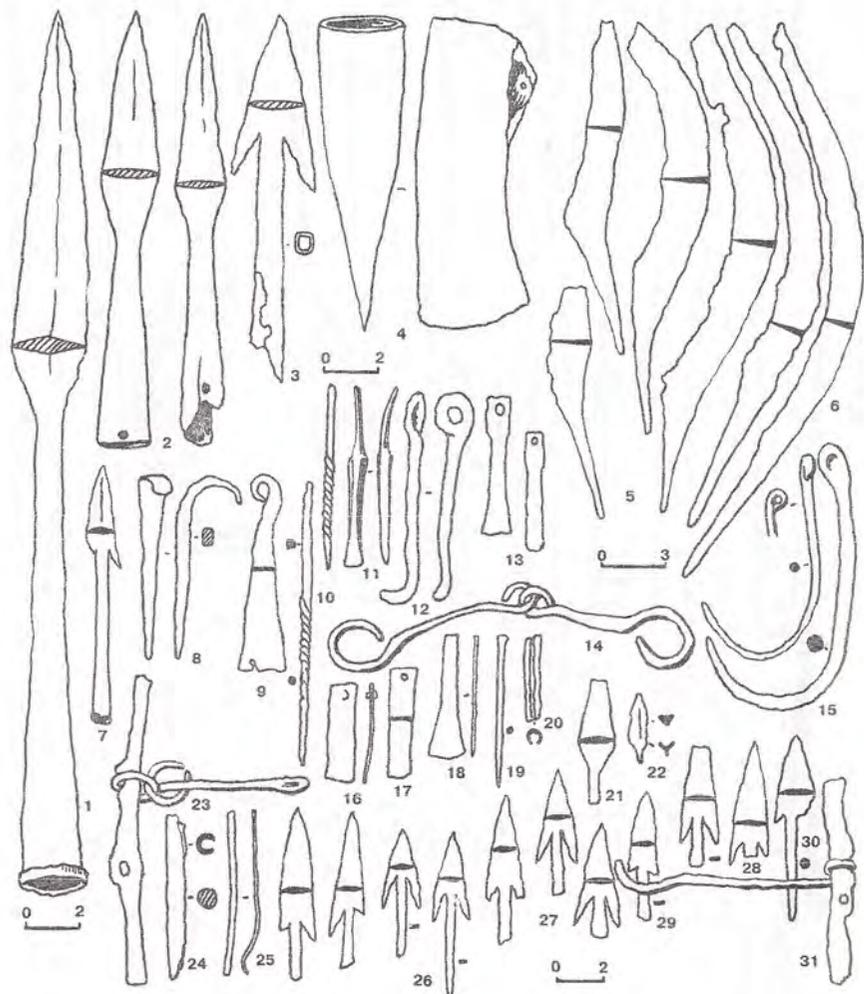

Таблица 7

Таблица 8

Подписи к иллюстрациям к 1 главе

- Табл. 1. Границы распространения сетчатой керамики (1), грузиков дьякова типа (2) и памятников дьяковской культуры (3; по И.Г. Розенфельдт)
- Табл. 2. Грузики дьякова типа с Троицкого городища.
- Табл. 3. Типы грузиков дьякова типа (по К.А. Смирнову).
- Табл. 4. Гладкостенная (А1-11), сетчатая (Б1-13) и штрихованная (Б14-23) посуда (Троицкое городище).
- Табл. 5. Лощёная посуда (Троицкое городище).
- Табл. 6. Изделия из кости. А - наконечники стрел; Б1-4 - иглы; Б5Д9 - заколки; 57, 8, 11 - проколки; В1-3.6 - гарпуны; В4 - наконечник дротика; В5, 7, 8, 10 - наконечники стрел; В9 - обломок черешка стрелы; В13 - булава, В11, 12, 14, 15, 20, 21, 25 -неопределённые изделия; В16 - манки; В17-19, 23, 24, 26 - пряжки (Троицкое городище).
- Табл. 7. Изделия из железа. Наконечники копий (1-3), топор-кельт (4), серпы (5, 6), наконечники стрел (7, 21, 22, 26-30), ложкарный резец (8), кресало (9), свёрла (10), стамеска (11, 18), удила и их фрагменты (12, 14, 23, 31), крючки (15), подвески к поясу (13), поясные накладки (16, 17), чекан (19).
- Табл. 8. Изделия из бронзы.

Литература к 1 главе

- Древнее поселение в Подмосковье. МИА № 156. – М.: Наука, 1970.
- Древнее поселение в Подмосковье. МИА № 184. – М.: Наука, 1971.
- Дьяковская культура. – М.: Наука, 1974.
- Ефименко П.П. Рязанские могильники. Материалы по этнографии. Т. III. Вып. I. – Л., 1926.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА №28. – М.: Наука, 1952.
- Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья. МИА №111. – М.: Наука, 1962.
- Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.-Л.: Наука, 1966.

Глава 2. Городецкая культура

Вся территория Окско-Сурско-Цнинского междуречья, начиная с VIII в до н.э. по рубеж нашей эры, была занята племенами городецкой культуры. История городецких племён тесно связана с их западными соседями (дьяковскими племенами), с племенами ананьинской культуры Прикамья и скифо-сарматским миром.

Работы, посвящённые различным аспектам жизни городецких племён, появились с конца XIXв. (Поливанов В.Н. и др.). В начале XXв. появляются работы В.А. Городцова, П.П. Ефименко, П.С. Рыкова, затем П.Д. Степанова, А.Е. Алиховой, Е.И. Горюновой, А.П. Смирнова, Н.В. Трубниковой, В.И. Ледяйкина, В.Г. Миронова и др. И только в 1952 году был опубликован свод археологических источников по городецкой культуре (Смирнов А.П., Трубникова Н.В.), а в 2000 году В.И. Вихляевым предпринята попытка обобщить накопленные за 50 лет материалы (Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000).

2. 1. Расселение городецких племён. Хронология и периодизация

Исследователи выделяют четыре локальных варианта на территории расселения городецких племён. Памятники Нижней Оки и ее притоков относятся к нижнеокскому локальному варианту городецкой культуры, цнинско-мокшанские – к центральному, нижнесурские – к средневолжскому, верхнесурские – к нижневолжскому или центральному. Из всех этих локальных групп памятников только центральный полностью размещается на территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья.

Хронология памятников городецкой культуры разработана недостаточно. Общепризнанной в настоящее время является начальная дата – VIII-VII вв. до н. э. В.А.Городцовым по материалам раскопок Троице-Пеленицкого городища была установлена верхняя дата – III-IV вв. н.э. А.П.Смирнов и Н.В.Трубникова в своём исследовании отодвинули верхнюю дату до IV-V вв. В число памятников городецкой культуры они включили ранние грунтовые могильники Окско-Сурско-Цнинского междуречья и бассейна Средней Оки (рязано-окские, кошибеевского, селиксенского типов и другие). В более поздних работах других исследователей (В.И.Ледяйкин, В.Г.Миронов и др.) показано, что основные признаки городецкой культуры (псевдорогожная и тек-

стильная керамика) к началу нашей эры исчезают. Связано это с приходом в Западное Поволжье нового населения из Прикамья. Верхняя дата городецкой культуры отнесена ими к I-II вв. н. э. С III в. н. э. на территории городецкой культуры возникают памятники финских племен, у которых основные признаки (псевдорогожная и текстильная керамика) этой культуры отсутствуют.

Нижнеокский регион в период формирования городецкой культуры был занят племенами ананьинской культуры (захоронения Младшего Волосовского могильника в Навашином районе Нижегородской области). Миграция прикамского населения на нижнюю Оку продолжалась и в период существования пьяноборской (чегандинской) культуры (II в до н.э.-II в. н.э.). Об этом свидетельствует присутствие на памятниках нижней Оки круглодонной керамики с примесью в тесте раковин и украшенной веревочным орнаментом.

В первой половине I-го тыс. до н.э. Нижнее Посурье было занято племенами одного из вариантов раннеананьинской культуры. В середине тысячелетия, возможно из бассейна Средней Оки, сюда проникают, племена городецкой культуры, а в конце I-го тыс. до н. э. сюда родственными племен из Нижнего Поволжья.

Вместе с тем есть основания говорить о продолжающемся сильном воздействии культур прикамского региона и даже возможном проживании на указанной территории носителей пьяноборской культуры. Так, на Тиханкинском городище найден клад изделий пьяноборской культуры, в составе которого выделяются характерные для последней эполетообразные застезки. На ряде городищ отмечено совместное нахождение плоскодонной городецкой керамики с округлодонной прикамского облика. Очевидно, на всем протяжении функционирования городецкой культуры бассейн Нижней Оки и Нижнее Посурье были контактной зоной взаимодействия культур Западного Поволжья и Прикамья. В остальных локальных вариантах городецкой культуры на территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья каких-либо существенных этнических контактов с иноплеменным населением исследователями не отмечено.

В то же время не исключено, что при большой территории расселения городецких племен процесс возникновения обряда грунтовых погребений происходил неравномерно. Исчезновение характерных признаков предшествующей культуры не означает отсутствия генетической связи ее с последующей территориально новой культурой, которая может быть более высокой степенью развития с новыми появившимися отличительными признаками. В связи с этим перед исследователями по-прежнему стоит важный вопрос о преемственности культур городецких городищ и более поздних культур могильников.

Данная проблема осложняется тем, что до сих пор нам неизвестны могильники городецкой культуры, а поселения послегородецкого времени практически не изучены. Это не позволяет провести сравнительный анализ однотипных памятников. Приходится сравнивать материалы могильников с материалами поселений, что не совсем корректно. Однако другой возможности у исследователей пока нет.

Ранние могильники первых веков нашей эры в Западном Поволжье выделены достаточно аргументированно. Периодизация же городецких комплексов находится в начальной стадии разработки. Количество изученных стратифицированных памятников ничтожно. Так, В.Г. Мионов в своей диссертации отметил четкое разделение культурных слоев только на Вышгородском городище на Средней Оке. Во всех остальных памятниках культурные слои сильно перемешаны. Позднее В.И. Вихляеву удалось выявить стратифицированные годечные слои на Новопшеневском (верховья Мокши) и Теньгушевском (низовья Мокши) городищах. На первом из них были определены три разновременных городецких слоя, на втором - пять слоев. Все слои объединены в последовательные строительные периоды: от времени появления культуры в Примокшанье до первых веков нашей эры. Это дало возможность разработать относительную периодизацию комплексов городецкой культуры Примокшанья.

Памятники Примокшанья входят в центральный территориальный локальный вариант городецкой культуры. Можно предположить, что особенности его развития отражают общие закономерности эволюции всей культуры.

Основными находками на поселениях городецкой культуры являются фрагменты керамических сосудов. Других вещей, как отмечают все исследователи, удивительно мало. Поэтому лишь керамическая посуда может в настоящее время лечь в основу системы относительной хронологии (табл. 12, 13).

По характеру обработки внешней поверхности все сосуды городецкой культуры можно разделить на четыре группы: с сетчатыми (текстильными) отпечатками, с псевдорогожной поверхностью, с гладкой поверхностью, со штрихованной поверхностью, обработанной щепкой или многозубчатым штампом.

Работы большинства исследователей содержат общие характеристики керамического комплекса городецкого времени и мало что дают для выяснения его особенностей на поздних стадиях функционирования культуры. Можно лишь выдвинуть мнение о том, что к концу существования городецкой культуры гладкостенная посуда постепенно вытесняет псевдорогожную и текстильную

В то же время анализ керамики Новошенинского и Теньгушевского городищ, проведённый В.И. Вихляевым, свидетельствует о возрастании доли сетчатой и псевдорогожной керамики к концу существования памятника. Такая же картина прослеживается на Екатерининском городище в Верхнем Посурье. Очевидно, присутствие городищской культуре технологические приемы изготовления псевдорогожной и сетчатой посуды продолжали занимать видное место до конца ее существования, и для позднего городищского комплекса характерны все четыре выделенные группы керамики.

Сетчатая посуда позднего периода представлена банками и слабопрофилированными горшками с Т-образной формой венчиков, украшенными чаще всего тычковым орнаментом. Орнаментом покрывается иногда вся поверхность сосуда. Но количество орнаментированных сосудов несколько сокращается. Банки отличаются наличием сквозных проколов под венчиком. Встречаются донца с кольцевым поддоном. Характерна сильная (от 31° до 45°) отогнутость стенок тулова по отношению к плоскости дна. В тесте сосудов преобладает примесь мелкого сортированного песка. Появляется примесь шамота.

В группе псевдорогожной керамики горшки преобладают над банками и чаще всего встречаются слабопрофилированные горшки. Для сосудов характерна прямая горловина при наличии слабо – (до 15°) и среднеотогнутых (от 16° до 30°) на внешнюю сторону венчиков с плоским и Т-образным краем. На большинстве сосудов имеются сквозные отверстия под венчиком. Орнамент отсутствует. Днища – с закраинами и без них. Стенки тулова по отношению к плоскости дна средне- и сильноотогнутые. В тесте сосудов преобладает примесь мелкого песка, хотя применяется и дресва. На стенках встречаются отпечатки прямоугольного штампа площадью до 10 мм. Среди гладкостенной посуды ведущее место занимают слабопрофилированные горшки и банки. Последние распространены больше. Появляются горшки с хорошо профилированным туловом и сильноотогнутыми на внешнюю сторону венчиками. Края венчиков обычно округлые. Большинство сосудов, за исключением банок, орнаментировано. Распространены тычковый и ямчатый орнаменты. Орнамента разнообразна. Становится постоянным присутствие сосудов с насечками по венчику. Плоские днища сосудов могут иметь и не иметь закраины. Появляется кольцевой поддон. Стенки тулова по отношению к плоскости дна средне- и сильноотогнутые. Имеются очень сильноотогнутые (свыше 45°) стенки, что говорит о появлении мисок и чаш, которые часто имели кольцевой поддон. Господствует примесь в тесте мелкого песка. Появляется примесь шамота.

Посуда со штрихованной поверхностью представлена только горшками с преобладанием слабопрофилированной формы. Чаще всего горшки имеют прямое горло, но иногда венчики бывают среднеотогнутыми на внешнюю сторону. Края венчиков плоские и Г-образные. Появляется заметная доля неорнаментированной посуды, хотя большинство все же имеет тычковый и ямчатый орнаменты, иногда защипы по краю венчика. Плоские днища чаще всего имеют закраины. Встречаются экземпляры и без закраин. Преобладают сильноотогнутые стенки тулова по отношению к плоскости дна, но не редки и среднеотогнутые. В тесте сосудов обычно наблюдается мелкий песок, хотя встречаются и более грубые примеси. Шамот является редкой примесью. Именно этот комплекс посуды городищской культуры можно использовать для сравнения с более поздними археологическими культурами.

2. 2. Поселения и жилища. Хозяйство

Основными памятниками, позволяющими очертить территорию расселения городищских племён, являются городища. Открытых поселений мало, погребальные памятники пока неизвестны. Для городищ выбирался мыс между двумя оврагами или выступ высокого коренного берега реки. Высота такого выступа достигала 15-80 м над уровнем реки, что значительно облегчало защиту городища. Такого рода городища, видные на значительном расстоянии, есть практически на всех реках региона. В таких случаях с напольной стороны возводился один (редко больше) высокий вал. Другой тип городищ связан с сетью оврагов, в глубине которых возводилось городище. А так как высота и крутизна склонов была незначительна, то с напольной стороны часто возводилось два вала. Для городища этого типа сеть оврагов являлась своеобразным оборонительным рубежом, издали такие городища не были видны (Анненковское городище в Вадском районе, Хохловское городище в Ардатском районе Нижегородской области «Старый город», Пургасовское городище в Темниковском районе республики Мордовия, табл. 9). Несколько иначе выглядят оборонительные сооружения Хвалыньских городищ.

Преобладающим типом жилищ были землянки и полуземлянки. На Городищском городище (это городище дало название всей культуре; раскопки В.А. Городцова) землянки с очагами располагались по краю площадки, а одна – в центре. Длина землянок достигала 7-13 м при ширине 5-6 м и глубине до 1 м. Очаги располагались в углублении в полу или на выступе, иногда выкладывались камнями. Вдоль стен ос-

тавлялись выступы в виде нар. На Теньгушевском городище 4 полуземлянки располагались двумя параллельными рядами вдоль вала. Стены были выполнены из двойного плетня с засыпкой землёй промежутка между ними, а затем были промазаны глиной. Такое же расположение двух жилищ вдоль вала было и на Пургасовском городище.

Показателем уровня хозяйственного развития древнего общества является прежде всего соотношение производящих и присваивающих отраслей хозяйства. В известном своде археологических источников «Городецкая культура» А.П.Смирнов и Н.В.Трубникова, определяя хозяйственный и общественный уровень городецких племен, отмечают: «...в литературе установилась твердая точка зрения на мотыжное земледелие и скотоводство как основу хозяйства городецких племен при наличии промысловой и лесной охоты, имевшей подсобное значение. У этих племен существовал патриархальный род».

Все исследователи отмечают, что хозяйство у городецких племен было комплексным и включало в себя земледелие, скотоводство, ремесло, лесные промыслы и рыболовство.

Данные о земледелии, которые можно было бы более или менее уверенно связать с городецкой культурой, весьма скудны. Прежде всего обращает на себя внимание полное отсутствие остатков культурных растений. Вряд ли это связано со степенью изученности памятников. Их раскопано значительное количество. Приведенный факт скорее всего говорит об уровне развития земледелия.

Как показали современные этнографические и археологические исследования, мотыжное земледелие не являлось в первобытности распространенной формой. При нем только железные мотыги могли быть основными почвообрабатывающими орудиями. На территории городецкой культуры они неизвестны. Так называемые костяные (роговые) мотыги, одна из которых найдена на Луховицком 1 городище на Средней Оке, не могли использоваться в качестве основных почвообрабатывающих орудий из-за узости лезвия. Раннюю стадию земледелия на нашей территории, по справедливому мнению Ю.А.Краснова, следует именовать не мотыжной, а бесплужной.

Природные условия лесной зоны определяют возможность существования двух систем раннего земледелия: подсечной в лесных массивах и переложной на открытых пространствах. Археологическими доказательствами наличия подсечной системы являются расположение поселений на территории водоразделов, краткосрочность их существования, большое количество находок топоров. Все поселения городецкой культуры либо расположены в пойме рек, либо связаны с надпойменными террасами и их овражными системами. Они существуют на одном месте довольно длительное время. Топоров времен

городецкой культуры мы не знаем. Следовательно, существование подсечного земледелия у племен городецкой культуры весьма проблематично, за исключением, возможно, его самых примитивных форм с использованием выжигаемых участков без какой-либо обработки почвы.

В доплужный период основными типами почвообрабатывающих орудий были деревянные палки и лопаты (иногда снабжённые наконечниками из кости или металла), железные мотыжки и пешни

Однако роль земледелия в хозяйстве городецких племен, становится заметной лишь в конце периода их существования (рубеж нашей эры) и не могло быть основой хозяйства.

Роль скотоводства была более значительной. Оно было оседлое (придомное). Племена городецкой культуры разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней и лошадей. Крупный рогатый скот в основном принадлежал к очень мелкой местной породе. Такой скот давал мало мяса и молока. В скотоводстве наибольшую роль играло коневодство. Лошади отличались очень малым ростом и тонконогостью, и были близки к скифо-сарматским лошадям Северного Причерноморья. Но уровень развития животноводства был невысок и не мог обеспечить полностью все потребности в питании.

Следы железоделательного производства присутствуют на всех стадиях существования памятника. Уже в слоях ранней стадии найдены обломки сопел от горна. Но более или менее разнообразными признаки производства железа становятся только в самом позднем периоде. Обнаружены сопла от горнов, отходы варки железа – шлаки, металлообрабатывающие инструменты – оселки и изделия. Именно в это время древнее население осваивало, производство железа из руд с низким содержанием металла, что значительно расширило сырьевую базу черной металлургии и позволило получить большее количество железных изделий.

Наиболее ярким показателем уровня развития этой отрасли хозяйства является металлургия. Исследователи городецких памятников уже давно обратили внимание на удивительную бедность их культурных слоев находками предметов из железа и цветных металлов. На Городецком городище в слое с керамикой городецкой культуры мощностью от 0,72 до 3,5 м найдено всего три железных предмета – два ножа и рыболовный крючок. При раскопках Теньгушевского городища на площади 392 кв.м мною было обнаружено всего 5 железных предметов. На раннем Новопшеневском городище в Ковылкинском районе Мордовии на площади 148 кв.м в самом верхнем горизонте культурного слоя найдено одно железное изделие – монетовидная подвеска, которую с большим сомнением можно отнести к городецкому куль-

турному комплексу. Изделий из цветных металлов не найдено вовсе. Очевидно, местное население в этот период использовало чужеземные готовые изделия ввиду отсутствия необходимого сырья для производства цветного металла. О невысоком уровне развития черной металлургии свидетельствует преобладание находок костяных и каменных орудий над металлическими. Лишь в переходный период от ранней к поздней стадии гордецкие племена овладевают секретами литейного дела (появляются льячки и литейные формы). Железо умели получать только из редких высокообогащенных металлами руд. И лишь к концу существования культуры (на рубеже нашей эры) осваивается производство железа из бедных руд, появляется бронзолитейное дело. Но несомненно, что металлургическое производство не могло играть ведущей роли в хозяйстве племен городецкой культуры. То же самое можно сказать о других отраслях ремесла, наличие которых фиксируется археологическими материалами: ткачестве (многочисленные находки пряслиц), косторезном деле (находки костяных изделий и их заготовок), гончарстве (табл. 10. 11).

Земледелие у городецких племен начинает развиваться только к концу периода их существования. Таким образом, подтверждаемая археологическими материалами переложная система земледелия и предполагаемая подсечная не могли быть основой хозяйства.

Состояние скотоводства у городецких племен показывает, что оно также не могло быть ведущей отраслью хозяйства. Лишь к началу нашей эры заметны положительные явления в его развитии.

Полученные результаты оценки уровня развития земледелия, скотоводства и ремесла позволяют утверждать, что производящие отрасли хозяйства городецких племен не играли главной роли в его структуре. Тогда возникает вопрос о том, какие же отрасли хозяйства обеспечивали их существование. Исходя из археологического материала, таковыми были охота, рыболовство и лесные промыслы, т. е. присваивающие отрасли. Об этом свидетельствует весь вещевой комплекс городецких памятников. Наиболее распространенными и массовыми находками являются орудия, связанные с охотой, – костяные наконечники стрел (их известно более 60 экз.), подвески из зубов медведя и кабана, охотничьи манки; с рыболовством – керамические и каменные рыболовные грузил (более 50 экз.), костяные гарпуны (особенно часто их находят на городищах Окско-Сурско-Цнинского междуречья); с лесными промыслами – костяные кочедыки для плетения лыковой обуви и рыболовных сетей, костяные долота для обработки дерева, железные стержни для работы по дереву.

Среди немногих металлических орудий городецкой культуры имеются рыболовные крючки. В длинных землянках Городецкого го-

родища на полу обнаружены остатки рыбьих костей, чешуи и раковин сухопутных моллюсков. Большие скопления чешуи и рыбьих костей мною наблюдались при участии в раскопках Самозлейского городища в Среднем Примокшанье.

Анализ известных фактов позволяет сделать вывод о том, что у городецких племен в I-м тыс. до н. э. в хозяйстве доминировали присваивающие отрасли. По классификации Ю.А.Краснова эти племена можно отнести к хозяйственно-культурному типу охотников и рыболовов лесной зоны умеренного пояса, знакомых с начатками производящего хозяйства. Но на рубеже нашей эры происходят существенные изменения в развитии хозяйства: появляется земледелие, улучшается содержание скота, расширяется производство железных изделий, осваивается бронзолитейное дело. Производящие отрасли начинают занимать все более весомое место в хозяйстве.

Таким образом, первые века нашей эры были переломной эпохой в истории населения Окско-Сурско-Цнинского междуречья.

Существенные изменения в структуре хозяйства у первобытных племен, как это уже было обосновано археологическими и этнографическими материалами, происходят, как правило, лишь в условиях кризиса традиционного хозяйства, который бывает вызван тем, что прежние источники питания становятся менее доступными. Такая ситуация порождается рядом природно-климатических и культурно-исторических факторов. Природно-климатическим фактором изменений для населения рассматриваемой территории стало ухудшение климата: он стал более континентальным и засушливым. Это привело к падению доли продукта, получаемого от охоты, рыболовства и лесных промыслов. Что же касается культурно-исторического фактора, то его предстоит выявить в ходе дальнейшего изложения.

2.3. Происхождение и этническая принадлежность

Происхождение племён городецкой культуры в эпоху ранней бронзы учёные связывают с волосовскими племенами, занимавшими всю лесную полосу Волго-Камья. В эпоху поздней бронзы в Поочье (и несколько шире) на её основе сложилась поздняя культура. На основе последней с приходом в Волго-Окско-Сурское междуречье с северо-запада племён с текстильной керамикой и раннеананьинских племён с Прикамья и сложилась городецкая культура. Ряд учёных не исключают и влияния позднесрубных племён. Финно-угорская принадлежность племён городецкой культуры ныне ни у кого не встречает сомнения. На основе племён городецкой культуры затем складываются мордовские племена.

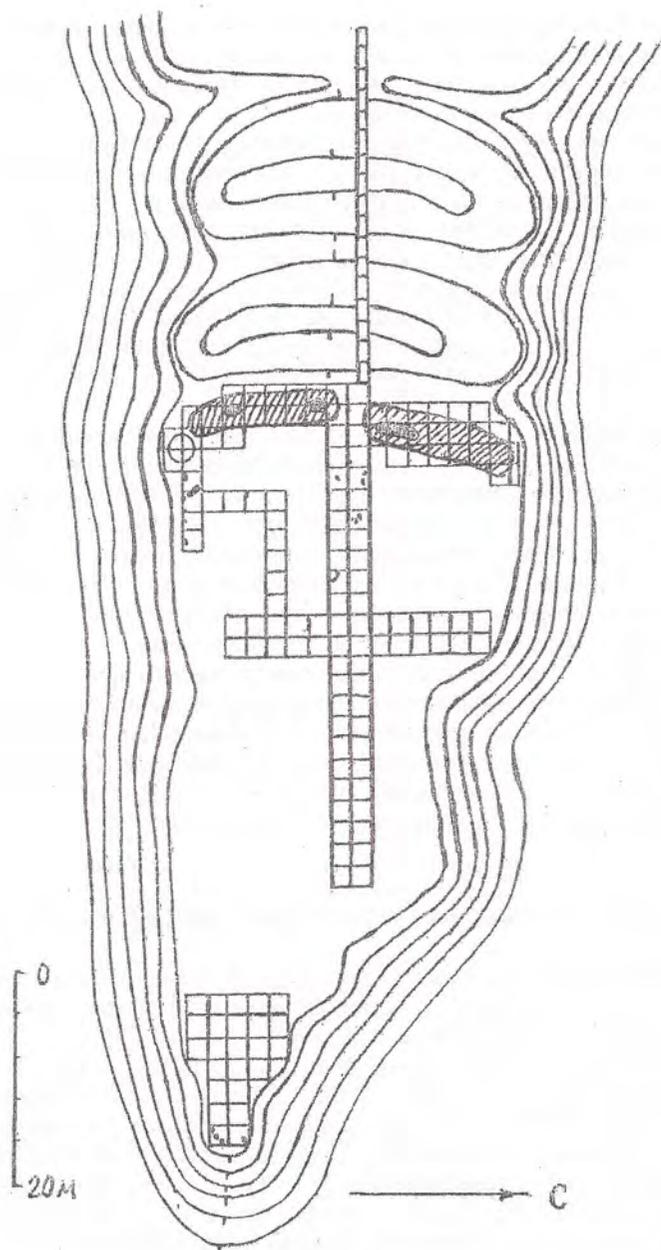

Таблица 9
34

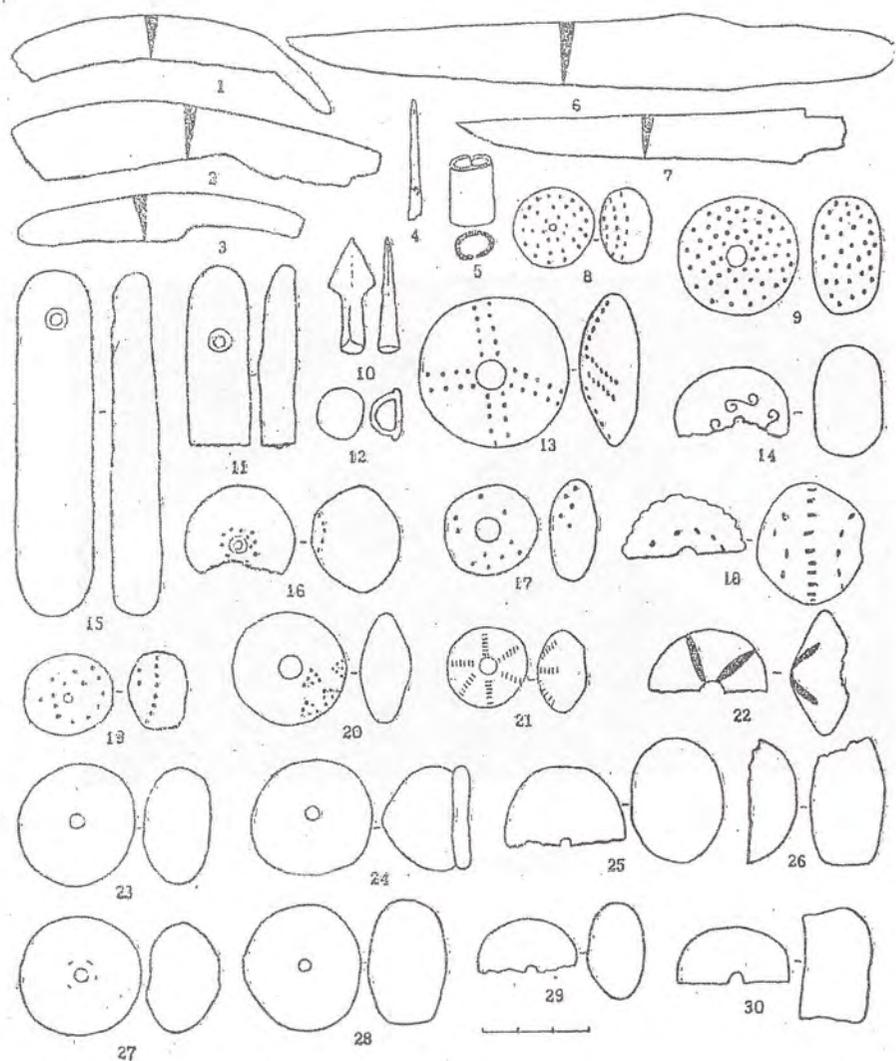

Таблица 10

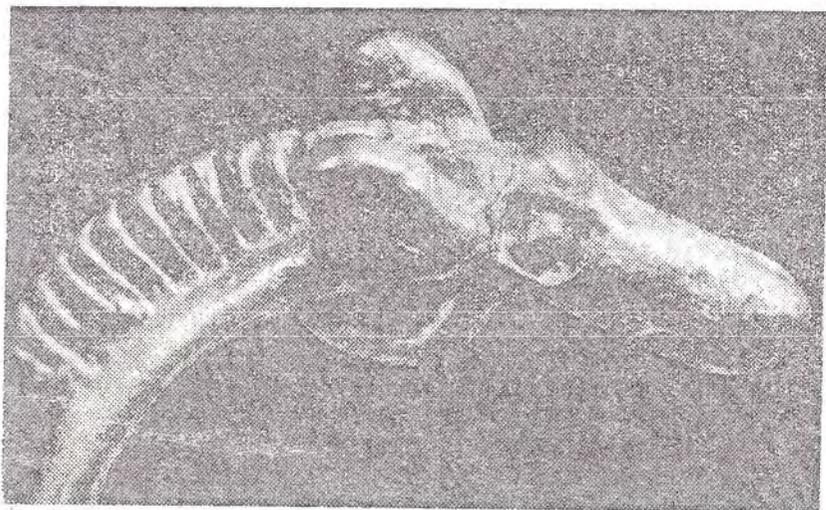

Таблица 11

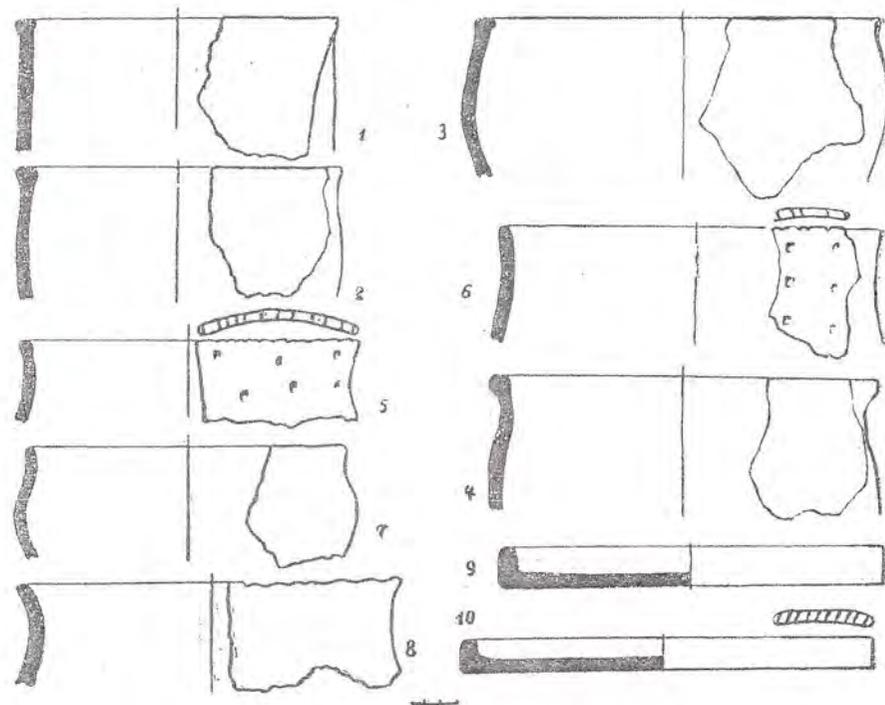

Таблица 12

Подписи к иллюстрациям ко 2 главе

Табл. 9. План Пургасовского городища.

Табл. 10. Изделия из камня (11, 15), цветного металла (12), железа (1-7, 10) и глины с Пургасовского городища.

Табл. 11. Ручка билоновой ложечки с Пургасовского городища. Увеличено в 4 раза.

Табл. 12. Формы сосудов городецкой культуры.

Табл. 13. Поздняя сетчатая и гладкостенная керамика с Теньгушевского городища.

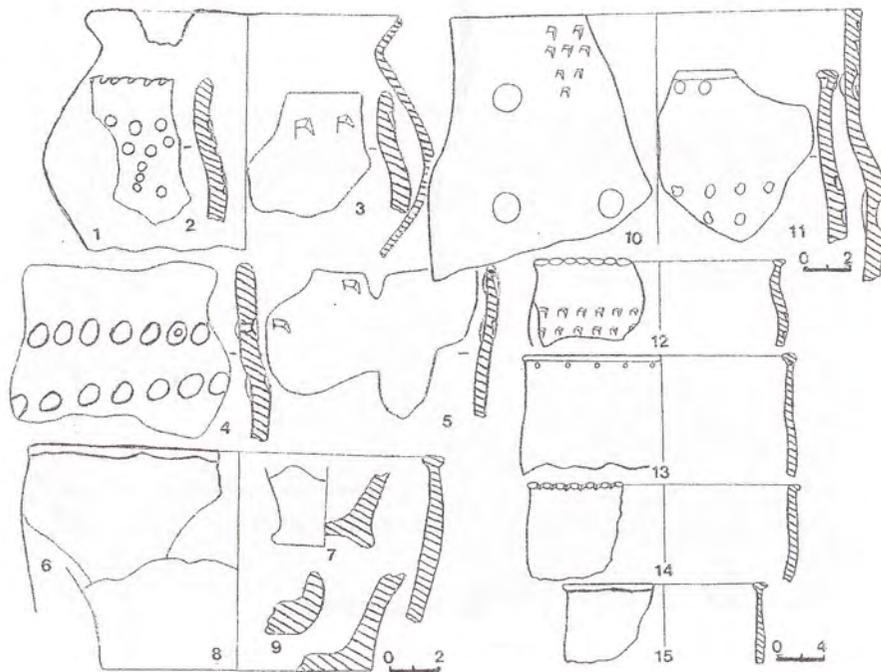

Таблица 13

Глава 3. Андреевская культура

Наиболее ранним погребальным памятником на территории Волго-Окско-Сурско-Цнинского междуречья начала нашей эры является Андреевский курган, раскопанный П. Д. Степановым в Большеигнатовском районе Мордовии.

3.1. Андреевский курган

Андреевский курган раскопан в Большеигнатовском районе Мордовии. В нём чётко выделяются грунтовые (более древние) и впускные погребения. Для грунтовых характерны большие размеры могильных ям, плечики, дерево на дне и обкладка стен деревом. В центральной могиле на деревянном помосте, находилось богатое захоронение вождя с погребениями с обоих боков двух других воинов (рис. 14). Вдоль торцевых стен на небольших возвышениях находились захоронения раба и коня (шкура вместе с черепом и костями ног).

Погребальный инвентарь мужских захоронений.

Для мужских захоронений характерны конское снаряжение (железные составные удила с длинными стержневидными псалиями с концами, расплюснутыми в форме ромбов или округлых лопастей, остатки уздечек), обилие предметов вооружения: одно- и двулезвийные мечи с прямым или серповидным перекрестием без навершия в деревянных ножнах с металлическими наконечниками, двулезвийные кинжалы с прямым перекрестием и кольцевым навершием, листовидные наконечники копий, наконечники дротиков с короткими треугольными перьями и двумя боковыми «жальцами», остатки колчанов с наконечниками стрел - железными трехперыми черешковыми, плоскими с «жальцами», втульчатыми и костяными (трехгранными и листовидными черешковыми). Кольчугами из железных колец, шлемами из железных пластин, крупными бронзовыми бляхами от несохранившихся щитов представлено защитное вооружение (табл. 15, 16).

Кроме предметов вооружения и конского снаряжения мужские погребения содержали ожерелья из стеклянных, чаще всего золочёных и каменных бус, бронзовые и железные сюлгамы, кожаные пояса с бронзовыми преимущественно сапожковидными бляшками и литыми фигурными пряжками, различные подвески, украшения обуви в виде бронзовых пряжек и бляшек, железные ножи с горбатой спинкой, точильные бруски. В погребении вождя найден железный двуручный скобель. Для мужских грунтовых захоронений характерно наличие

лепных керамических сосудов. Они представлены плоскодонными горшками, банками, мисками и чашами, Сосуды помещались чаще всего в ногах.

В двух погребениях найдены воинские трофеи: ожерелья из вырубленных человеческих верхних челюстей с просверленными для продевания ремешка отверстиями. В могиле вождя они соседствовали с бронзовыми бляшками. В другом погребении вместе с человеческими челюстями найдены два клыка медведя, костяная пряжка, а рядом с ними - концевые фаланги человеческих пальцев. П.Д.Степанов предполагает, что фаланги были положены вместе с кожей, снятой с руки.

Погребальный инвентарь женских захоронений.

Для женских погребений характерны золотые и бронзовые спиральные височные кольца, ремешковый наконик с бронзовыми обоймами и подвесками в виде гусиных лапок, ожерелья из стеклянных бус, бронзовые сюлгамы, прямоугольные и круглые бронзовые бляхи. Кроме украшений в женских погребениях встречена лепная глиняная посуда в виде банки и горшка. В могиле она помещалась у головы умершей.

Для впускных погребений характерны изменения в погребальном обряде: намечается рядовая планировка могильника (хотя в целом погребения располагаются по кругу), уменьшаются размеры могильных ям, которые принимают прямоугольную в плане форму, в могильных ямах исчезают плечики и обкладка стен деревом, отсутствуют захоронения рабов и коней, экзотические военные трофеи. Все погребения одиночные. Умерших мужчин укладывали в могильную яму на спину в вытянутом положении, с ориентировкой головой чаще всего на север. Женские же погребения в большинстве случаев имеют противоположную ориентировку – головой на юг.

Погребальный инвентарь мужских захоронений.

В вещевом комплексе впускных погребений также часто встречаются предметы вооружения: однолезвийные мечи с прямым перекрестием и серповидным навершием с шаровидным утолщением на конце; двулезвийные мечи без перекрестия и навершия; наконечники копий и дротиков; фрагменты колчанов с наконечниками стрел (железные плоские с «жальцами», черешковые и втульчатые, а также костяные трехгранные черешковые).

Для конского снаряжения характерны железные двусоставные удила со стержневидными псалиями более разнообразными по оформлению концов: очковидные псалии; изогнутые, с кольцевым расширением с отростком на одном из концов и др.

По-прежнему в мужских погребениях встречаются ожерелья из стеклянных золочёных и других бус, бронзовые и серебряные скульгамы, кожаные пояса с бронзовыми бляшками и фигурными пряжками, украшения обуви из бронзовых пряжек и бляшек, железные ножи, точильные бруски. Отсутствуют кожаные пояса с бронзовыми сапожковидными бляшками. Вместе с тем появляется ряд новых форм вещей и деталей одежды. Только в определенных мужских погребениях присутствуют бронзовые гривны из круглого дрота или плетенные из 2 или 3 проволок с крючком, имеющим коническое утолщение на конце. Второй конец гривны имеет петлю. Также только в достоверных мужских захоронениях обнаружены спиральные бронзовые браслеты с конусовидными утолщениями на концах. Очень важной находкой являются бронзовые римские фибулы «Aucisa». Появляются бронзовые реберчатые с лицевой стороны кольцевые застёжки, которые можно считать прототипами нагрудных мордовских блях первой половины 1-го тыс. Используются новые типы кожаных поясов с бронзовыми поясными привесками и разнообразными бронзовыми и железными пряжками, в том числе с кольцом, соединённым заклепкой. В одном мужском погребении найден бронзовый котелок, изготовленный, по мнению В.В.Кропоткина, в Римской Галлии. В котелке содержались фрагменты деревянного сосуда в форме чаши или ковшика. Деревянная чаша, окованная бронзовой полоской с орнаментом, обнаружена также в другом захоронении. Обязательным атрибутом мужских захоронений являются лепные плоскодонные горшки и миски. Располагаются они как и в грунтовых могилах.

Погребальный инвентарь женских захоронений.

Для женских захоронений характерными становятся золотые (бронзовые) спиральные височные кольца, ремешковый накольник с бронзовыми обоями с кистями из стеклянных бус, ожерелья из каменных и стеклянных бус, бронзовые скульгамы, бронзовые (золочённые) нагрудные бляхи, бронзовые фибулы «Aucisa», бронзовые реберчатые кольцевые застёжки, железные и бронзовые кольцевые пряжки, кожаные пояса с бронзовыми бляшками, спиральные бронзовые браслеты, украшения обуви с пряжками. Плоскодонная посуда размещалась у головы или у ног погребённых.

3.2. Расселение племён андреевской культуры. Датировка и основные черты культуры.

Андреевская культура включает в себя два разновременных могильника на Андреевском кургане (грунтовые и впускные погребения) в

Среднем Посурье. В низовьях Свяжско-Сурского междуречья находятся Писеральские курганы и расположенные вблизи Климкинские курганы. Близок по культурному облику к этим памятникам Староарда-товский курган в бассейне Средней Суры в Мордовии. А.Х. Халиков относит к этому же кругу памятников городище Пичке-Сорче и Ножа-Вар в Нижнем Посурье, рассматривая их как поселения смешанного городищко-андреевского населения. К памятникам андреевской культуры следует причислить Андреевское селище, обнаруженное недалеко от Андреевского кургана.

Эталонным памятником для определения датировки андреевской культуры является Андреевский курган. Он содержит два четко различаемых хронологических горизонта – грунтовые (более ранние) и впускные (более поздние) погребения. Кроме того, в его комплексах имеются вещи, широко представленные в восточных (сарматских) и западных (римских) древностях.

Грунтовые могилы содержат лишь предметы конца I-го тыс. до н. э. – начала II в. н. э. Наличие среди погребальных сооружений больших прямоугольных ям с деревянной рамой на дне и облицовкой деревом стен могилы, распространённых у сарматов Поволжья и междуречья Дона и Днепра в конце II в. до н. э. – I в. н. э., также подтверждают эту дату.

Во впускных могилах Андреевского кургана хорошо представлены предметы I - начала II в. н. э., появляются вещи, распространившиеся во II в. н. э.: галло-римский котелок II-III вв., поступавшие на территорию сарматской культуры в основном во II в. н. э.

Следовательно, время функционирования всей Андреевской культуры можно определить в рамках I-II вв. н.э.

3.3. Происхождение и этническая принадлежность

Формирование и развитие андреевской культуры происходили в результате активного взаимодействия традиций культуры пришельцев и обычаев местного финского населения. Это вело к относительно быстрым изменениям даже в такой консервативной части культуры, как погребальный обряд. Формируются определённые особенности погребального обряда.

1. Курганные насыпи. В других культурах лесной зоны Среднего Поволжья данного времени курганы неизвестны.

2. Сооружение насыпей над группой погребений спустя некоторое время после их совершения. В других курганных культурах Восточной

Европы насыпи сооружались сразу после совершения основных погребений.

3. Размещение умершего на спине в вытянутом положении.

4. Преобладающая ориентировка умерших головой на север и восток.

5. Культ коня, характерный для ранних погребений. Захоронения коней представлены костями ног и черепами или только черепами, а также скоплениями зубов коней под насыпью.

6. Могильные ямы с плечиками и деревянными конструкциями характерны для ранних погребений.

7. Размещение меча в погребении рукояткой к стопам ног в поздних захоронениях.

Погребальный обряд грунтовых захоронений Андреевского кургана имеет не местное, а скорее степное, кочевническое, происхождение. Все его элементы (наличие насыпи, большие прямоугольные могильные ямы, обкладка стенок и дна могил деревом, сооружение в могилах помостов и плечиков, помещение в них черепов и чучел лошадей) можно найти в сарматской культуре, соседствовавшей с городецкой и другими финно-угорскими племенами. Уровень общественного развития носителей андреевской культуры (вожди, зависимые люди) более соответствует уровню развития сарматов первых столетий нашей эры, нежели местных племен начала нашей эры и последующего раннемордовского времени, где социальная градация ещё не прослеживается.

Сарматоидный облик андреевской культуры подтверждается и вещевыми комплексами мужских и женских захоронений. Головной убор женщин был сарматским, о чем свидетельствуют спиральные височные подвески, хорошо известные в сарматских погребениях. Вооружение воинов соответствует вооружению сарматов (мечи, кинжалы с кольцевым навершием, трехперые наконечники стрел, футляры для наконечников копий, кольчуги, шлемы и т. д.). Даже способ прикрепления оружия к поясу при помощи ворворок – сарматский. Наличие воинских трофеев (вырубленных человеческих челюстей, частей отрубленных конечностей) также уводит в скифо-сарматский мир.

Появление памятников андреевской культуры в Сурско-Волжско-Свияжском междуречье большинство исследователей связывают с вторжением пришлого населения, жизнь которого характеризуется кочевническим укладом, военным бытом, наметившейся социальной дифференциацией. Местное население, городецкие и другие племена, история которых до вторжения изучена весьма недостаточно, очевидно, было подчинено немногочисленным завоевателям. Но уже в вещевых комплексах грунтовых погребений Андреевского кургана ощу-

щается влияние местной финно-угорской культуры (керамика, наконечники, скульгамы и др.). В настоящее время материалы андреевской культуры позволяют конкретно проследить взаимодействие культуры пришлого и местного населения и определить их роль в этнической истории племен Среднего Поволжья.

Следует учитывать неоднородность финно-угорских племен в Сурско-Волжско-Свияжском междуречье в первые века нашей эры. Здесь пришельцы столкнулись с носителями двух различных культур: городецкой и прикамского облика (пьяноборской?). Именно эти две различные группы оказали влияние на развитие их культуры.

Основной тенденцией эволюции погребального обряда андреевской культуры является его упрощение. Сначала после совершения каждого погребения сооружалась небольшая насыпь. При этом более поздние насыпи соединялись и перекрывали более ранние. Погребения группировались обычно вокруг центральной могилы. По завершении сооружения могильника делалось общее курганное перекрытие. Такой процесс формирования могильника характерен для грунтовых погребений Андреевского и Писеральских курганов. Позднее умерших хоронили сначала в обычном грунтовом могильнике, каким-то образом отмечая погребения на поверхности. Затем, по прошествии определенного времени, сооружалась курганная насыпь.

На третьем этапе все погребения помещались в насыпь ранее существовавшего кургана. Намечалась рядовая планировка. И хотя могильник еще привязан к курганной насыпи, его можно отнести к грунтовым погребальным памятникам с рядовой планировкой. Таковы впускные погребения Андреевского кургана.

Влияние культуры местного финского населения на пришельцев прослеживается в вещевых комплексах. В погребальном инвентаре андреевской культуры можно выделить вещи, которые хорошо известны в пьяноборской и более поздней древнемордовской культуре. Так, кольцевые застёжки с завернутыми концами – скульгамы – использовались носителями Андреевской культуры и древней мордвы. Прототипы этих вещей обнаружены в материалах городецкой и дяковской культур, что позволяет считать их финскими элементами.

Наконечники из погребений являются весьма распространенным финно-угорским украшением. Еще П.Д.Степанов выделил целый ряд вещей Андреевского кургана, распространенных в Прикамье: подвески-сапожки, большие бронзовые бляхи с отверстием, привески-уточки, бляшки с петельками, реберчатые застёжки, гривны с крючком, имеющим на конце шишечку.

Важным определителем этнической принадлежности археологических памятников является лепная керамическая посуда. Она была

характерна для сарматских кочевых племен на всем протяжении их существования. Во времена андреевской культуры у сарматов господствуют плоскодонные экземпляры. Наиболее распространены горшки самых разнообразных форм, имеется значительное количество кувшинов, редко встречаются миски.

Среди общесарматских типов можно найти некоторое сходство с сосудами андреевской культуры. Но в целом керамика Андреевского кургана отличается от общесарматской. Последняя имеет, как правило, хорошо профилированное шаровидное тулово, более вытянутые пропорции, высокие, четко отогнутые на внешнюю сторону венчики. Сосуды Андреевского кургана четко отличаются от круглодонной прикамской керамики. Но зато плоскодонная посуда хорошо представлена у племен городецкой культуры.

Керамику городецкой культуры и Андреевского кургана объединяет прежде всего совпадение основных форм и ряд признаков:

- преобладание в обоих комплексах слабопрофилированных горшков и банок;
- преобладание округлого края венчика;
- наличие сосудов с насечками и защипами по венчику;
- примесь в тесте дресвы или шамота;
- наличие днищ с закраинами и без закраин.

Анализ материалов андреевской культуры позволяет заключить, что на её развитие большое влияние оказали местные племена. Погребальный обряд изменился под воздействием населения с культурой прикамского облика. В керамическом комплексе стали преобладать традиции племен городецкой культуры. В costume проявлялись особенности обоих групп местного населения

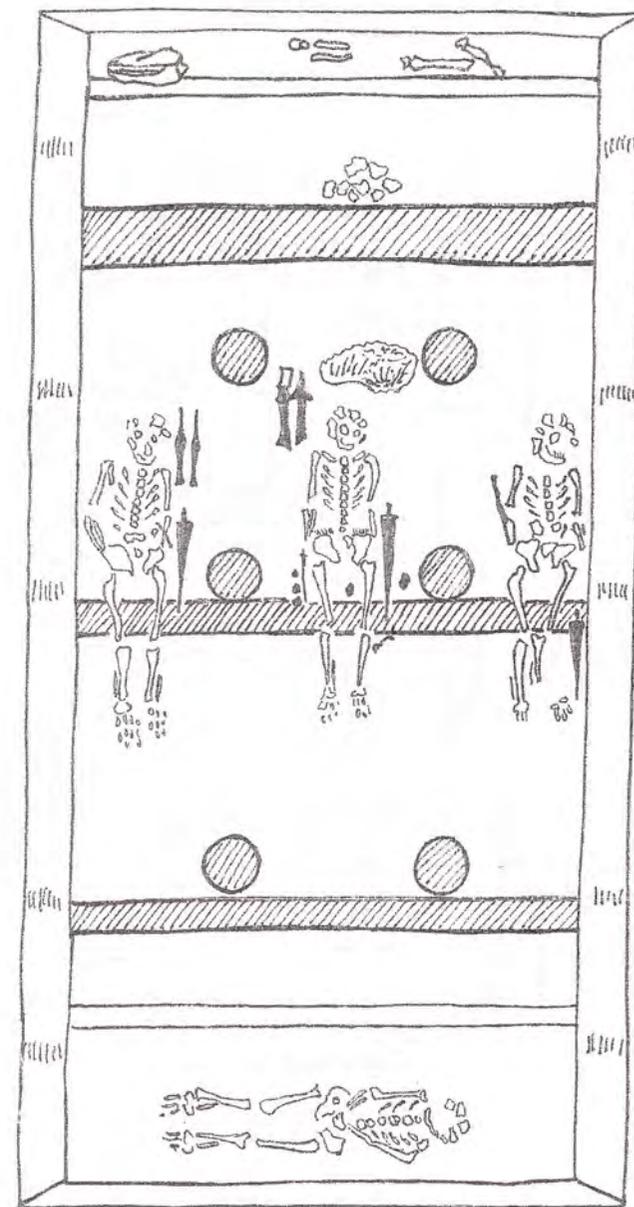

Таблица 14

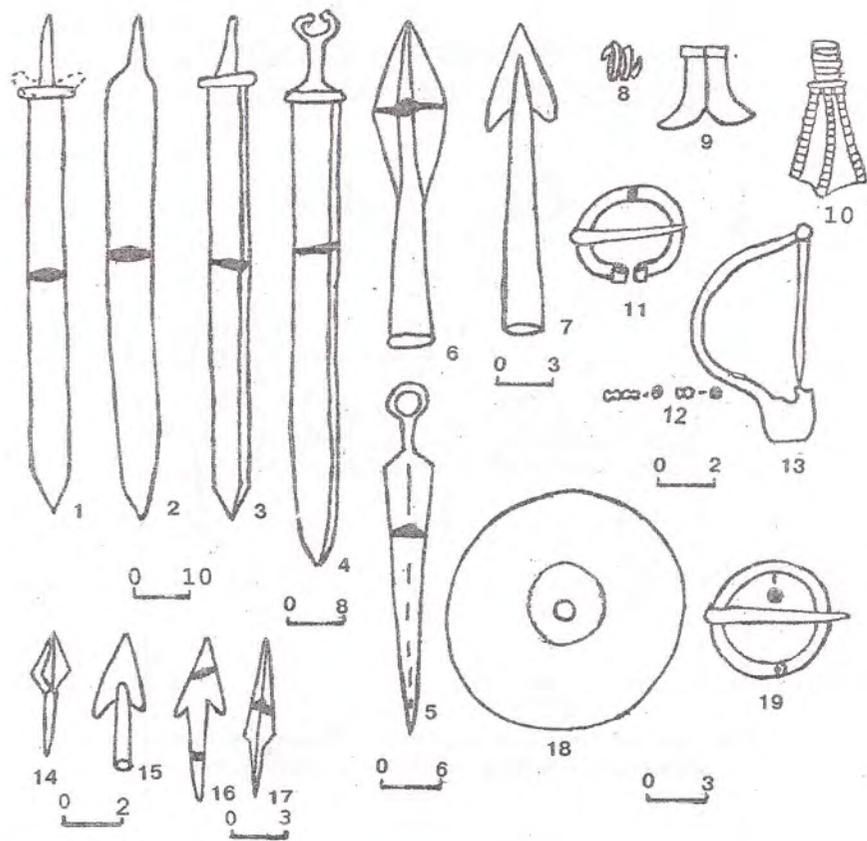

Таблица 15

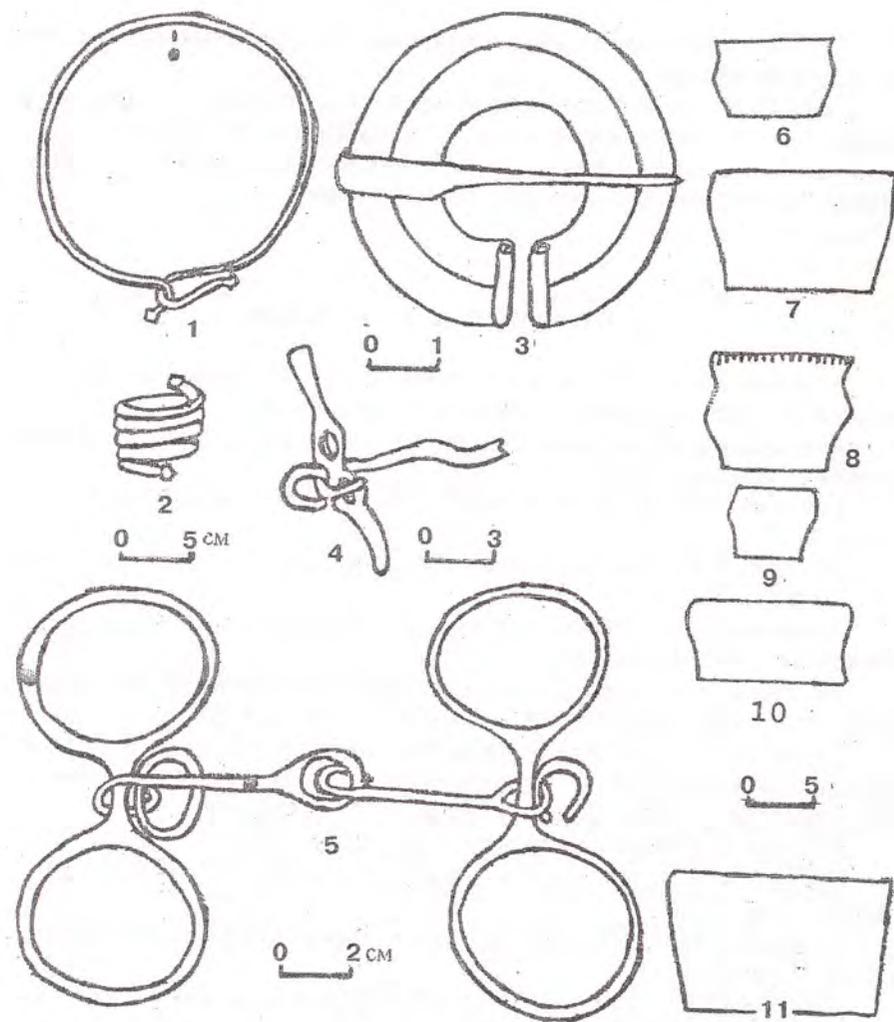

Таблица 16

Подписи к иллюстрациям к 3 главе

Табл.14. План-схема центральной могилы Андреевского кургана (по П.Д. Степанову).

Табл.15. Вещевой комплекс Андреевского кургана (по В.И. Вихляеву). 1-7 – 16-18-железо; 8 –11, 13, 18, 19-бронза. 12 – стекло.

Табл.16. Вещевой комплекс Андреевского кургана (по В.И. Вихляеву). 1-3 -бронза; 4, 5 – железо; 6-11 – керамика.

Литература ко II и III главам

Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. – Саранск, 1959.

Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н. э. – Из древней и средневековой...

Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. – Саранск, 1977.

Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. – Саранск, 2000.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА № 94. – М.: Наука, 1961.

Ледяйкин В.И. Пургасовское городище. Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1976. Вып. 52.

Ледяйкин В.И. О преемственности между городищной и древнемордовской культурами / Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1974. Вып.48.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. – М.: Наука, 1961.

Патрушев В.С. Финно-угры России (II тыс.до н.э.- II тыс.н.э.). – Йошкар-Ола, 1992.

Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. – Пенза, 1977.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. – М., Наука, 1965. Вып. Д 1-14.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА № 28. – М.: Наука, 1952.

Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья. МИА № 111. – М.: Наука, 1962.

Степанов П.Д. Андреевский курган. – Саранск, 1979.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.-Л.: Наука, 1966.

Глава 4. Ананьинская культура

Одним из ярких археологических образований на северо-востоке Европы в эпоху железа является ананьинская культура. Первыми исследователи этой культуры А. М. Тальгреном, А. В. Збруевой, Н. А. Прокошевым, А. П. Смирновым, О. Н. Бадером и другими были выделены характерные особенности этой культурной общности, территория, установлена хронология бытования в пределах VIII-II вв. до н. э.. Племена ананьинской культуры занимали огромную территорию: от Ветлуги и Суры на западе до Белой и Верхней Камы на востоке (табл. 17). На севере (в бассейнах Вычегды, Печоры, Северной Двины) в начале эпохи раннего железа обитали родственные ананьинцам племена.

4.1. Расселение племён раннеананьинской культуры. Хронология и периодизация

К раннеананьинскому времени на основной территории распространения ананьинской культуры, т. е. в Волго-Камье, можно отнести не менее 63 поселений, которые по своему характеру подразделяются на укрепленные поселки-городища и поселения, не имеющие следов внешних укреплений – селища.

А.Х. Халиков выделяет на раннеананьинской территории (VIII-VI вв. до н.э.) несколько локальных вариантов: западновожский (6 городищ и 2 поселения): средневолжский (3 городища и 6 поселений): первый нижекамский (5 городищ и поселение, превращённое затем в городище): второй нижекамский (преобладают поселения на относительно высоких естественно укрепленных местах. Имеются и поселения на низких краях над луговых террас): вятский (4 городища и 2 поселения): нижебельский 7 поселений): среднекамский (от устья р. Белая до г. Пермь 10 поселений): верхнекамский (5 поселений): ветлужский (верхний слой Пановского селища и и догородищинскими селищами на Одоевском, Богородском и Русенихинском городищах).

Следует отметить, что ананьинская культура на таком огромном пространстве не могла быть единой. Уже во II в. до н.э. – II в. н.э. на Средней Каме складывается чегандинская (пьяноборская) культур, в верховьях – гляденовская, В.Ф. Генинг выделяет мазунинскую культуру. В III-V вв. В Вятско-Ветлужском междуречье складывается яркая азелинская культура.

Развернувшиеся в 50-70-е годы нашего столетия археологические работы в Поволжье и Прикамье, особенно работы в зонах крупных водохранилищ волго-камского каскада, привели к открытию и изучению ряда важных раннеананьинских памятников: Акозинского, Старшего Ахмыловского могильников в республике Марий Эл и других в пределах Татарстана. Характерной особенностью почти всех этих памятников является наличие в них как материалов конца эпохи бронзы, так и материалов начала эпохи железа. Систематически изучаются поселения, в том числе и ранние, ананьинской культуры. Так, в 1958-1959 гг. В. Е. Стоянов продолжил начатые Б. С. Жуковым, М. В. Воеводским и О. Н. Бадером исследования ряда городищ по Ветлуге. Г. А. Архипов совместно с А. Х. Халиковым провели раскопки раннеананьинского городища Ройский Шихан на Вятке. В. С. Патрушевым успешно ведется изучение ряда городищ и селищ (Ильинское, Копани, Ардинское) в Марийском Поволжье, где первым широко исследованным раннеананьинским поселением является Васильсурское городище в устье р. Сура. Г. Р. Ишмуратовой, П. Н. Старостиним и А. Х. Халиковым подвергнут раскопкам ряд поселений, преимущественно городищ в Казанско-Тетюшском Поволжье и низовьях р. Камы. В. Ф. Генинг вместе с В. Е. Стояновым, Р. Д. Голдиной и А. И. Ашихминой провели раскопки Зуево-Ключинского городища в Удмуртском Прикамье. Ряд поселений изучен в бассейне р. Белая и на Средней Каме. Характерной особенностью почти всех этих памятников является наличие в них как материалов конца эпохи бронзы, так и материалов начала эпохи железа.

4.2. Поселения и жилища. Хозяйство

Население раннеананьинского времени в Волго-Камье проживало в неукрепленных поселках, расположенных нередко на тех же местах, что и предшествующие поселения приказанской культуры эпохи бронзы. Однако характерно, что большинство раннеананьинских поселений уже располагается на высоких преимущественно естественно укрепленных местах, которые затем укреплялись валами и рвами (Сорочьегорское, Гроханьское, Зуево-Ключинское, Богородское, Русенихинское и др.). Поэтому следует полагать, что с начала эпохи раннего железа в Волго-Камье усилилась общая для этого времени тенденция перехода к укрепленным поселениям.

Раннеананьинское население на Волге предпочитало жить, как и вятское население, в укрепленных городищах, тогда как население Средней и Верхней Камы, Белой и Ветлуги в это время еще не соору-

жало земляных укреплений. Волжские районы являлись окраинными территориями, открытыми с юга различным кочевникам, производившим грабительские набеги на раннеананьинские поселки.

Все известные укрепленные поселения имеют вид простых мысовых городищ с одним валом и рвом с напольной стороны. Для западновожской и вятской групп характерны городища с шишкообразными валами (на Вятке их называют шиханами), а для средневожской и нижнекамской групп – с длинными дугообразными валами. Идея строительства укрепленных поселений у ранних ананьинцев была привнесена не со стороны (по крайней мере проникла не от соседей), а развивалась на месте.

В раннеананьинское время окончательно происходит переход населения из полуземлянок в наземные дома. Все известные раннеананьинские поселения, обычно содержащие достаточно насыщенные культурные наслоения, были относительно долговременными поселениями. Многие из них функционировали еще в предшествующее время, а затем продолжали населяться и позднее. О назначении их для длительного жительства людей свидетельствуют и изученные на них при раскопках жилища.

В строительстве наземных жилищ раннеананьинским населением намечаются и локальные особенности. Так, население волжских районов, очевидно, строило дома в виде срубов, положенных венцом. Эта традиция здесь также прослеживается с эпохи бронзы.

На Каме и Белой наземные дома, хотя также, видимо, строились из бревен, но укреплялись не венцом, а вертикальными столбами. Укрепление наземных стен вертикальными столбами было характерно для приказанских племен на атабаевском и маклашеевском этапах. Практика строительства наземных жилищ у раннеананьинского населения уходит корнями в эпоху бронзы: срубные конструкции, возможно, был воспринят от балановских (балто-германо-славянских) племен, а столбовые – от срубных (индоиранских) племен.

Решающую роль в хозяйстве играли скотоводство, охота, рыбная ловля, лесные промыслы. Была сильно развита металлургия. Земледелие (подсечно-огневое, переложное) на протяжении всей эпохи раннего железа играло подсобную роль.

4.3. Погребальный обряд

Наиболее выразительными раннеананьинскими памятниками являются могильники, особенно широко исследованные в 50-70-е годы нашего века. Благодаря наличию в погребениях различных предметов

могильники дают хорошо выраженные комплексы как для исследования материальной и духовной культуры раннеананьинского населения, так и для установления хронологии этого периода.

Все известные к настоящему времени раннеананьинские могильники с определенным местоположением располагаются по берегам Волги и Камы, причем почти всегда занимая края относительно низких надлуговых террас (кроме Тетюшского могильника). Такое положение не случайно. В погребальных обрядах ананьинцев, как и их предшественников-приказанцев, значительную роль играли большие реки – Волга и Кама, выступающие как своеобразные реки смерти, соединявшие настоящий (верхний) и будущий (нижний) мир. Кроме расположения на низких берегах крупных рек, об этом свидетельствуют и формы могильных ям, нередко имеющих закругленные, как у лодок-долбленок, концы и иногда корытообразное дно, а также достаточно устойчивая ориентация погребенных ногами или головой к реке. Все это не случайно. В погребальных обрядах многих северных народов, жизнь которых была теснейшим образом связана с рекой – рыболовством и охотой в припойменных долинах, представления о реке как дороге переселения душ играли важную роль.

Почти все могильники занимают места предшествующих позднеприказанских поселений или же места позднеприказанских могильников, которые также находились на местах более ранних поселений. У многих первобытных народов, в том числе и древних финно-угров, отчетливо проявляется непосредственная связь кладбищ с поселениями. Есть основание считать, что почти над каждой могилой сооружались небольшие срубы – жилища, которые служили своеобразным наземным домом для умершего.

Наличие таких «домов» у древних ананьинцев подтверждается и тем, что почти во всех могильниках нет нарушения ранних захоронений более поздними, что возможно, было лишь при наличии каких-то внешних признаков. Надмогильные сооружения позволяли делать неглубокими и сами могильные ямы. В преобладающем большинстве случаев их глубина не превышает 70 см, а в ряде случаев отмечались остатки захоронений почти на уровне древней поверхности. В западных (волжских) районах раннеананьинского расселения нередко практиковалось помещение под одним «домом» нескольких захоронений и превращение таких мест в своеобразные наземные «дома мертвых». Погребения в таких наземных «домах», очевидно, стало характерным для западнофинских (городецко-дьяковских) племен от Средней Волги на востоке до Прибалтики и Южной Финляндии на западе. С одной стороны, об этом свидетельствует отсутствие следов «нормальных» (с могильными ямами) захоронений у городецко-дьяковских племен, а с

другой – открытие в ряде мест этой территории остатков своеобразных наземных «домов мертвых» (Березняковское городище, так называемые каменные могильники с оградками Южной Финляндии и Эстонии (I тысячелетия до н. э. и начала н. э.).

Для раннеананьинских могильников характерно то, что большинство наземных конструкций дошло до нас в сожженном виде. То, что производилось именно сжигание души, а не материальных остатков, свидетельствует отсутствие у ранних ананьинцев археологически зафиксированных случаев непосредственно трупосожжения. Этот обряд появляется позже – в I тысячелетии н. э., когда он становится весьма характерным для многих финно-угорских племен. Сам же обряд сжигания наземных конструкций начал практиковаться еще у предков ананьинских племен – поздних приказанцев маклашеевского этапа. Это, очевидно, произошло не без воздействия их южных соседей – позднесрубных и позднеандроновских племен, для которых устройство наземных конструкций и их сожжение были не редким явлением.

На ряде могильников обнаружены каменные плиты-стелы, поставленные несколько в стороне от погребений. Из Ананьинского могильника происходят две стелы с изображениями мужчин. На одной из них, обнаруженной в 1868 г., на лицевой стороне вырезано во весь рост изображение ананьинского воина в остроконечной шапке с изображением на шее пластинчатой гривны. На поясе – ремень, на котором висят: справа – кинжал, слева – колчан со стрелами. В правой руке – топор-секира. Для другой плиты характерна сильная схематичностью прочерченного изображения мужчины.

Несмотря на сооружение каких-то наземных конструкций, большинство умерших в раннеананьинское время хоронились в могильные ямы. Могилы на кладбищах, судя по материалам раскопок, располагались рядами (камские могильники) или рядами и группами (в основном волжские могильники). Каждый ряд или группа обычно состояла из 15-20 погребений. Такие ряды и группы следует рассматривать как захоронения ближайших родственников, вероятно, членов одной большой семьи.

Преобладающими на могильниках являются одиночные захоронения в относительно неглубоких ямах, имевших преимущественно удлиненную форму с закругленными концами, для нормальных труположений и округлую – для частичных. На дне ям иногда прослеживались следы луба, коры и бересты.

Наблюдалось и более сложное устройство могильных ям, на дне и по бокам которых прослежены следы деревянных погребальных конструкций (пожа на вертикальных столбах или бревенчатые срубы, опущенные на дно ямы).

В абсолютном большинстве случаев в одиночных захоронениях умерших укладывали на спину с вытянутыми конечностями, иногда прижатыми друг к другу ногами. Положение на боку с подогнутыми ногами и руками, т. е. в скорченном состоянии, встречается крайне редко. В большинстве случаев это погребения женщин (в коллективных могилах) или подростков (табл. 23).

В могильниках нередко случаи парных захоронений, когда в одну яму помещали двух умерших. Преимущественно это захоронение мужчины с женщиной, причем при женском костяке обычно нет инвентаря. Встречаются захоронения взрослого и ребенка, как правило, женщины и младенца; но обнаружены и захоронения мужчины и ребенка. Возникновение обряда парных захоронений (мужчины и подчиненной женщины) относится ко времени перехода от матриархата к патриархату и связывается с обычаем похищения жен. Возникает обычай – со смертью мужчины хоронить с ним и его жену. Со временем этот обычай заменяется обычаем хоронить её в могилу мужа лишь после естественной смерти. Обычай символического погребения жены (положение в могилу умершего женских украшений) бытовал у мордвы-мокши и мордвы-эрзи о чем свидетельствуют материалы могильника Стёково II, Крюково-Кужновского и других. Парные захоронения в Волго-Камье продолжают бытовать в конце I – начале II тысячелетия. На могильнике Красное I из 74 погребений – 18 парные.

Погребения в единичных и парных захоронениях имеют однотипную ориентацию – обычно ногами к реке, но в волжских могильниках (Акозинский, Ст. Ахмыловский, Тетюшский) выявлены захоронения не с речной ориентацией. Так, на первых двух могильниках встречена значительная группа погребений (12% в Акозине, 40% в Ст. Ахмылове), имеющих меридиональное, преимущественно западное, направление головы, на Тетюшском могильнике около 20% погребенных было ориентировано параллельно реке головой на север. Может быть, это связано с представлениями хоронившего населения о прежней территории обитания, что этнографически было в свое время отмечено Л. Я. Штернбергом, который писал, что ряд сибирских народов «покойника кладут в соответствующем направлении, где лежала по преданию прежняя территория».

Почти на всех раннеананьинских могильниках встречены коллективные захоронения с числом костяков от 3 до 16. Они размещались в ямах, естественно, несколько больших размеров, чем одиночные и парные. Погребенные в ямах располагаются в один ряд и при пяти и менее захоронений в одной яме имеют одно общее направление. В ямах с большим числом захоронений, костяки лежат «валетом», т. е. часть погребений в одном направлении, часть – в противоположном.

Коллективные погребения в отличие от одиночных содержат захоронения не только взрослых, но и детей. Часто это захоронение двух взрослых (мужчины и женщины) и ребенка или двух взрослых и детей и т. п. Обычно в коллективных погребениях центральное положение занимает погребение мужчины, (см. погр. № 55, 114 и др. Ст. Ахмыловского могильника).

Обычай коллективных захоронений уходит корнями в глубокую древность. Очень широко он практиковался у неолитических племен днепро-донецкой культуры. Известен он и для волосовских племен – на стоянке Володары в 1971 г. было обнаружено коллективное захоронение не менее чем 12 человек. Коллективные погребения были исследованы и на Балановском могильнике, известны они и под абашевскими курганами, но там большей, частью они носят характер братских могил. Но особенно они выразительны часты на позднем этапе приказанской культуры, откуда преемственно этот обычай переходит и к раннеананьинским племенам. Впоследствии он бытует у местных народов Поволжья и Прикамья на востоке – до пьяноборского времени (см. погребения Уяндыкского могильника), а на западе – до позднегородецкого (см. погребения Васильсурского городища) и муромско-мерянского времени (см. погребения Безводнинского могильника).

Как полагает М. П. Грязнов, обычай коллективных захоронений связан с совершением общих похорон в какие-то установленные сроки – раз в год или раз в несколько лет. Мне думается, что возникновение и развитие данного обряда следует увязывать, очевидно, с обычаем так называемых весенних захоронений, когда люди, умершие в одном поселке в зимнее время, содержались в специальном помещении в поселке, а затем весной во время паводка сплавлялись на место родового кладбища. Тем более что иногда эти родовые и племенные кладбища находились далеко от поселка. Как отмечалось выше, характерной особенностью раннеананьинских могильников является их расположение на берегу Волги или Камы недалеко от устья их притоков. Жившее на этих притоках население, например, по Ветлуге, Кокшаге, Казанке, Меше, Вятке и т. п., очевидно, не имело возможности каждый раз приезжать с покойником на родовое кладбище, иногда отстоящее от поселка на десятки и даже сотни километров. Оно должно было набирать партию умерших и затем сплавлять их на кладбище. Отголоском длительного существования этого обычая, особенно у волжских финнов, являются песни уржумских и козмодемьянских (ветлужских) марийцев, где говорится о далеком кладбище, куда надо отправляться раз в год.

В непосредственную связь с коллективными погребениями, открывающими собой серию так называемых дваактных захоронений, надо ставить вторичные и частичные погребения.

Почти во всех волжских раннеананьинских могильниках встречены погребения, представляющие собой вторичное захоронение человеческих костей, освобожденных от мягких тканей – 2 случая в Аkozинском, 11 – в Ст. Ахмыловском, 1 – в Морквашинском, 5 – в Тетюшском, 2 – в Гулькинском и 1 – в I Новомордовском могильниках. Первоначально, вероятно, умершие находились длительное время в наземных условиях, где происходило разложение мягких частей тела (соединительных тканей и сухожилий костяка). После этого кости собирались и перемещались в могильную яму.

Этот обряд в лесном Поволжье также первоначально фиксируется в волосовской среде. Коллективное погребение на Володарской стоянке фактически состояло из вторичных захоронений, помещенных в одной яме. Этот обряд известен и приказанским племенам – на II Луговской стоянке было обнаружено два вторичных захоронения, а в боковом выступе первой землянки I Луговской стоянки выявилось скопление костей 19 человек (13 взрослых и 6 детей). Погребение с тремя расчлененными костяками было изучено и на Кумысском позднериказанском могильнике. Позднее обряд вторичного погребения фиксировался у мордвы, муромы. Почти во всех относительно широко исследованных раннеананьинских могильниках выявлены захоронения 129 отдельных черепов (табл. 23, рис. 4).

Обычно эти захоронения производились в небольших округлых (диаметры их от 25 до 60 см) и неглубоких (25-60 см) ямах, в которые скорее всего вводился берестяной или деревянный короб. В коробе находился череп, иногда с шейными позвонками, который сопровождался или украшениями, в случае женского захоронения, или оружием и орудиями труда для мужского погребения. Для всех отмеченных видов погребений, кроме формы, размеров, направления могильных ям, можно выделить еще несколько общих особенностей. Так, в большинстве случаев погребенные сопровождаются вещами – оружием, орудиями труда, украшениями тела и костюма, реже – посудой и костями животных (табл. 18-22). Последние почти во всех могильниках состоят из определенного вида – это плечевая кость лошади (в мужских погребениях) или коровы (в женских погребениях), т. е. остаток от наиболее вкусной части туши, переднего окорока с грудинкой. Обычно, этот кусок мяса клали в изголовье иногда на 10-15 см выше погребенного, в засыпи. В засыпке почти всех могил встречаются углистые вкрапления. Очевидно, они связаны с ритуальными кострами, которые зажигались сородичами погребенных при погребальных обрядах. С

поминальными обрядами, проходившими в определенные сроки после погребения, очевидно, связаны остатки костей животных, обычно черепа или зубы лошадей и коров, обломки керамики, найденные на уровне древнего горизонта почти во всех раннеананьинских могильниках.

Почти все эти обряды производились и в том случае, если совершалось символическое погребение, т.е. захоронение вещей умершего на стороне человека, тело которого не было разыскано. На всех широко исследованных раннеананьинских могильниках зафиксированы так называемые кенотафы, т. е. могильные ямы, не содержащие следов человеческого тела. Приводим краткое описание «домиков мертвых»

«Дом мертвых» 1. Вытянут с В на З с небольшим отклонением к С. Длина его 9,6-10 м, ширина 2,6-3,8 м. Основу конструкций составляли деревянные бревна и вертикальные столбы. От бревен остались канавки шириной 0,2-0,3 м. Следы вертикальных столбов на плане прослежены в виде округлых пятен диаметром 0,3-0,6 м. Они углублены в материк на 0,3-0,4 м. «Дом мертвых», судя по канавкам от деревянных стен, был составлен из отдельных; погребальных камер прямоугольной формы шириной 0,3-1,7 м. Внутри конструкции «дома» отмечено 15 погребений.

«Дом мертвых» 2. Сооружение подпрямоугольной формы (7,4x2,6-3,2 м), вытянутое с В на З, вскрыто к ЮЗ от «дома мертвых» № 1. Оно представляет собой канавки, заполненные углисто-гумусной массой, столбовые пятна и отдельные погребальные комплексы (6 погребений).

«Дом мертвых» 4. Общая длина конструкции «дома», ориентированного с ЮЮВ на ССЗ, достигала 11,2 м, шириной 3,2-4 м. Внутри конструкции находилось 6 погребений.

В одном из погребений были расчищены остатки двух умерших, лежавших «валетом» головами в противоположных направлениях (на СВ и ЮЗ). Под костяками находилась подстилка из меха и дерева. Два погребения были пустые.

«Дом мертвых» 5. Общая длина контура «дома», ориентированного с ЮЮВ на ССЗ, составляла 15 м, ширина 2,8-4,2 м. Над конструкциями «дома» обнаружены остатки черепов лошадей и отдельные вещи. В «доме» находилось 8 погребений.

«Дом мертвых» 6. Вместе с примыкающими к «дому» могильными ямами длина его достигала 12,8 м, при ширине 3,2-6,4 м. По остаткам стен и столбов в «доме» были обнаружены 4 камеры размера-ми, в которых находилось 5 погребений. Одно из них было пустое.

4. 4. Прохождение и этническая принадлежность

Этногенез ананьинских племён довольно сложно связать с предшествующими племенами эпохи ранней бронзы. Правда, марийское Поволжье очень богато памятниками волосовской культуры, которую большинство археологов связывают с этногенезом финно-угорских племён. Более чёткая картина наблюдается в эпоху поздней бронзы. В ананьинской культуре чётко просматриваются традиции предшествующей ей приказанской культуры эпохи поздней бронзы, синхронной с поздняяковской. Это прослеживается в расположении памятников по берегам крупных рек, в некоторых чертах погребального обряда (расположение умершего ногами или головой к реке) и т.д. Прослеживается линия развития прикамских племён: эпоха бронзы (волосовская и приказанская культуры, возможно, чирковско-сейминская) – эпоха раннего железа (ананьинская, чегандинская, гляденовская, азелинская культуры) – эпоха средневековья (прикамские финны).

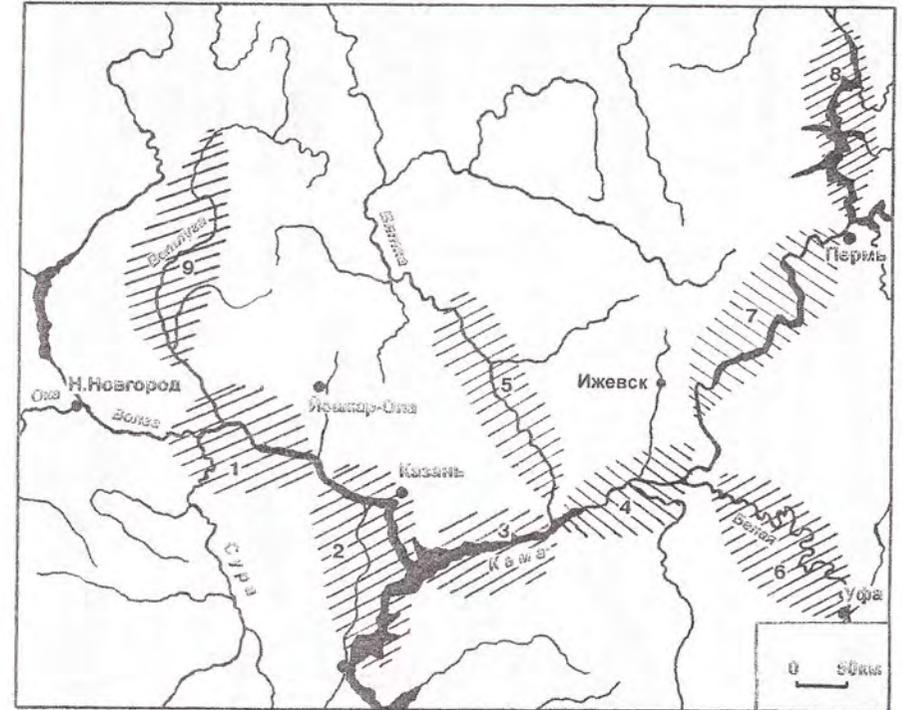

Таблица 17

Таблица 18

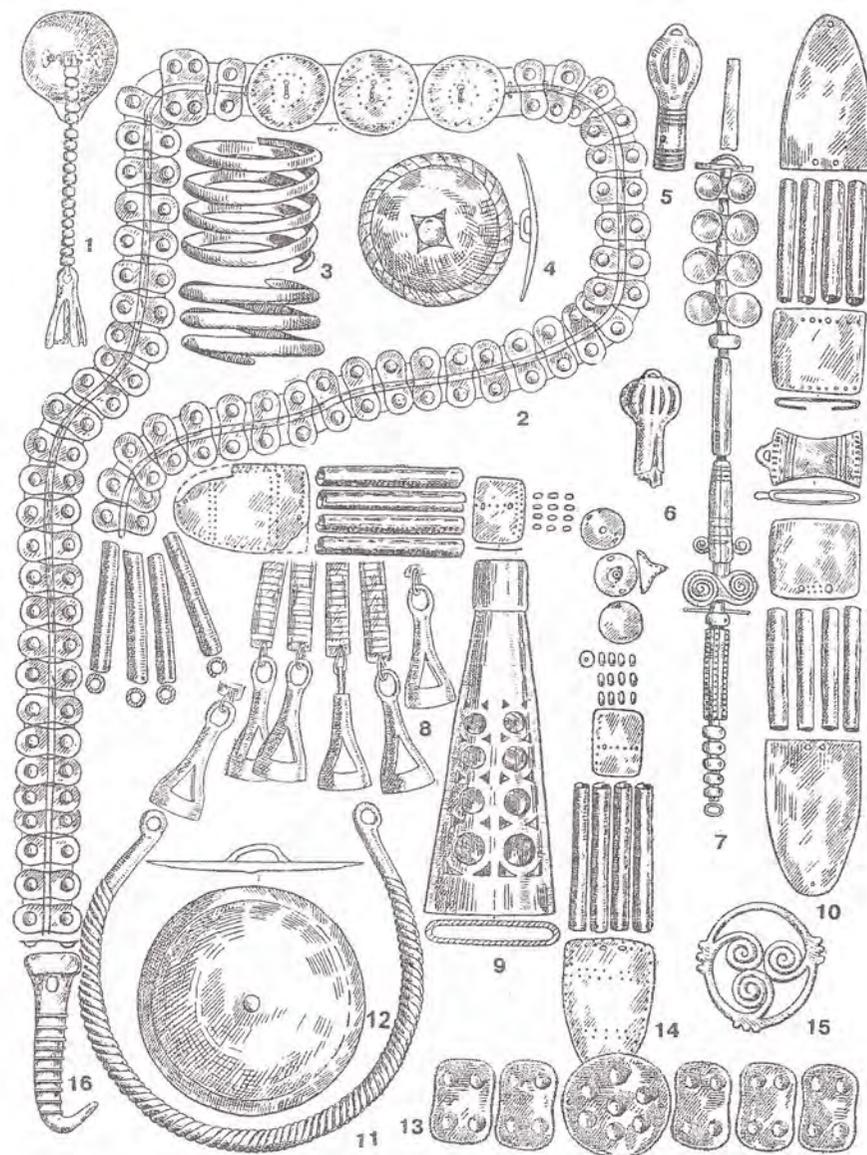

Таблица 19

Таблица 20

Таблица 21

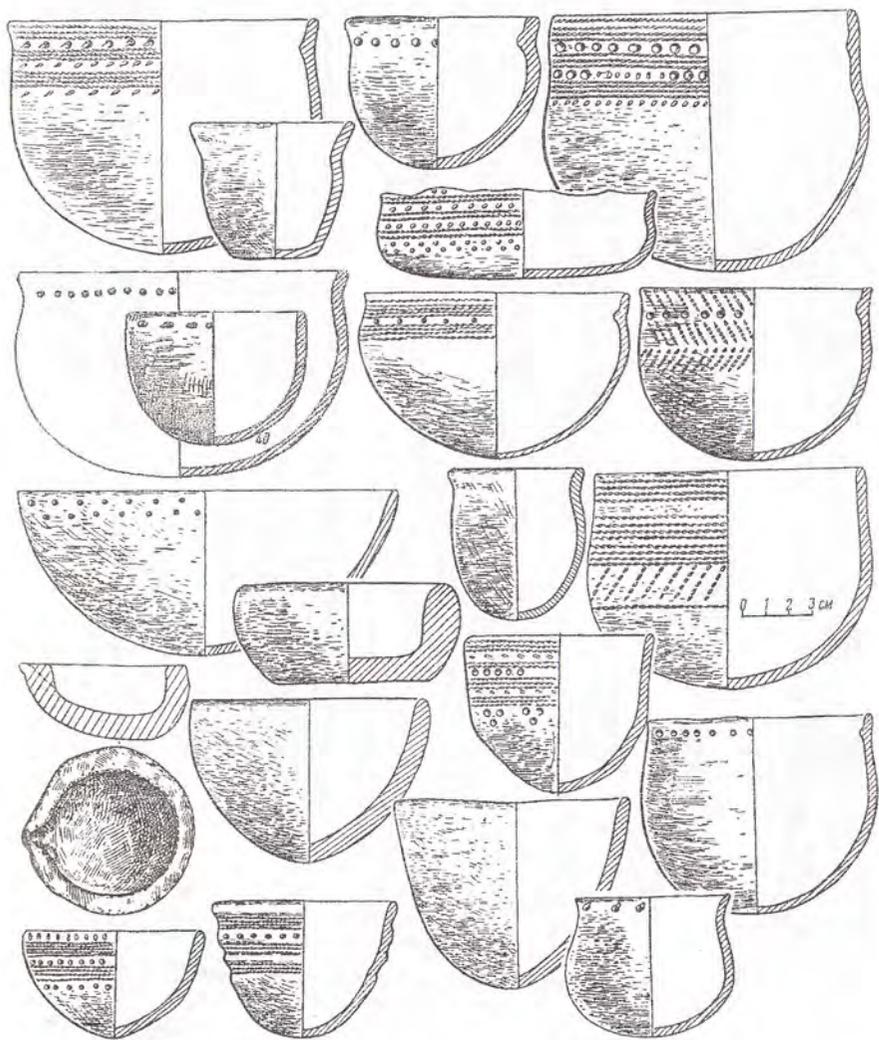

Таблица 22

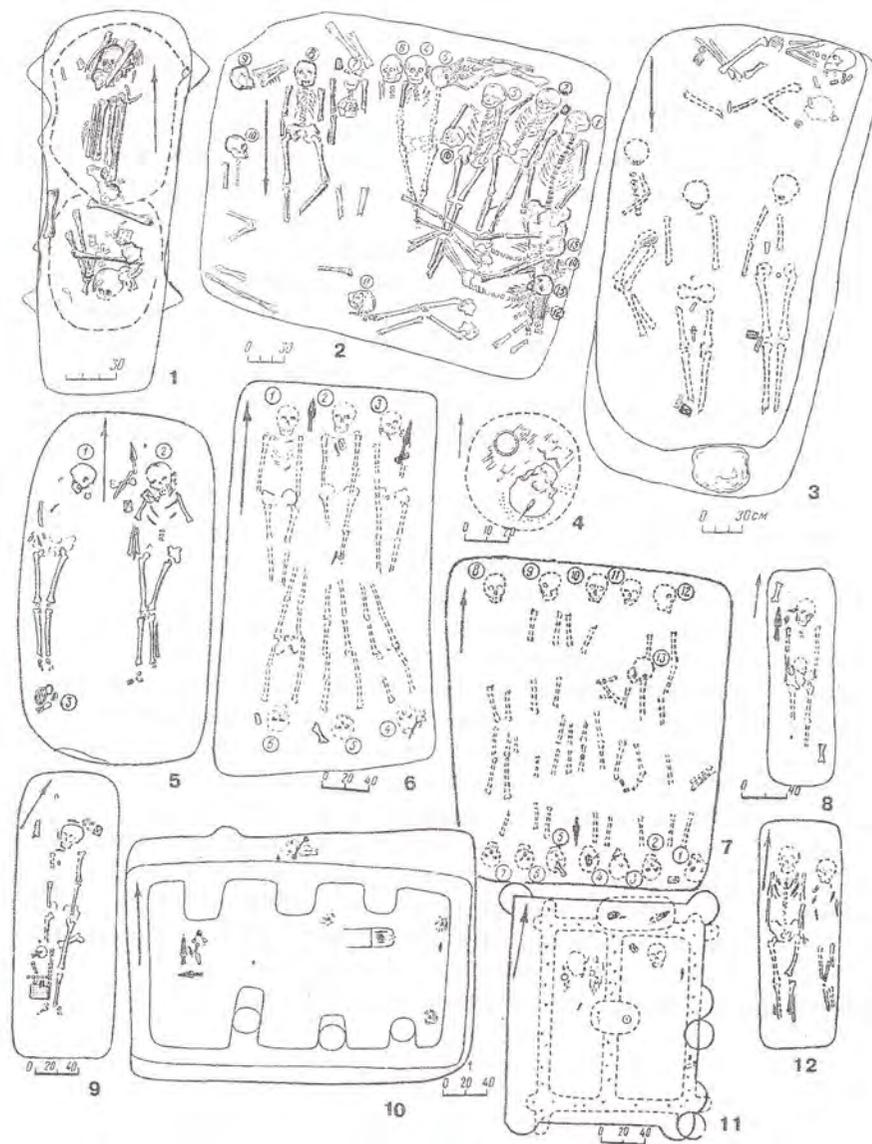

Таблица 23

Подписи к иллюстрациям к четвёртой главе

Табл. 17. Локальные варианты раннеананьинской культуры в Волго-Камье. 1 – западноволжский; 2 – средневолжский; 3 – нижекамский I; 4 – нижекамский II; 5 – вятский; 6 – нижебельский; 7 – среднекамский; 8 – верхнекамский; 9 – ветлужский (по А.Х. Халикову).

Табл. 18. Изделия из бронзы. Топоры-кельты (2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 19, 22), наконечники копий (1, 3, 7, 9, 13, 15, 21, 23), удила (11, 16), наконечники стрел (17, 18, 20, 24).

Табл. 19. Изделия из бронзы. Украшения головы (1, 2, 3, 8), накладные бляхи (4, 12), навершия (5, 6), поясные подвески (7, 9), налобные венчики (10, 13, 14), ложновитая гривна (11), накладка от головного венчика (15), крючок от колчана (16).

Табл. 20. Изделия из бронзы. Антропоморфные фигуры (1, по А.Х. Халикову – идольчики), зооморфные фигуры и их изображения, изображения рыб (2-4, 7, 8, №№ 3, 4 – кочедыки), фигурки птиц (5, 6) и их изображения.

Табл. 21. Изделия из железа. Наконечники копий (1, 10), кинжалы (2, 11), топор-кельт (5), проушные топоры (6-8), удила (12), стилет с бронзовым навершием (9), секира (3), клевец-секира (4).

Табл. 22. Изделия из глины. Керамика.

Табл. 23. Планы погребений. 1 – погр. 32 Акозинского могильника (далее АК). Обряд вторичного захоронения. В северной яме – кости мужчины, в южной – женщины. 2 – погр. 46 (АК). В могильной яме размерами 3,15x2,65 м – 16 костяков. №№ 1, 4, 7 – мужские, №№ 2, 3, 6, 8 – женские, остальные – захоронения подростков, мужчин и женщин. 3 – погр. 21 (АК). В северной части – захоронения мужчин на спине, ногами к реке. Остальные – захоронения женщин в «скорченном» положении (наложницы-рабыни?). 4 – погр. 332 Старшего Ахмыловского могильника (далее СА). В могильной яме диаметром 50 см – захоронение женского черепа на подстилке из бересты. 5 – погр. 272 (СА). Два захоронения – мужские. Третье – подростка (кости в груди в ногах у западного костяка, вторичное захоронение). 6 – погр. 68 (СА). Трое умерших похоронены ногами к реке, трое – головой к реке. 7 – погр. 70 (СА). 8 – погр. 50 (СА).

Литература к IV главе

Архипов Г.А. Ананьинские городища на р. Вятке. Труды МАЭ, т.2. Йошкар-Ола, 1962.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА №30. М., «Наука», 1952.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., «Наука», 1982.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА №28. М., «Наука», 1952.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., «Наука», 1966.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М., «Наука», 1977. Литература

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Труды МАЭ, т.2. Йошкар-Ола, 1962.

Заключение

Все рассмотренные нами культуры в различной степени, как считают учёные, связаны с этногенезом финских племён раннего средневековья лесной полосы Восточной Европы. Насчёт племён городецкой культуры мнение единое – это основа, на которой сложились мордва-мокша и мордва-эрзя. Подоснова городецкой и дьяковской культур едина – поздняковская культура эпохи бронзы.

В то же время в восточных районах дьяковской культуры в керамике просматриваются традиции ананьинской и городецкой культур. Культуру восточных районов в этом случае можно было бы рассматривать как непосредственное продолжение развития культуры более раннего финно-угорского населения, переросшую затем в культуру средневековой мери. Культура западных районов характеризовалась бы наличием сильного западного влияния. Её последующие судьбы недостаточно ясны.

Ананьинские племена приняли несомненное участие в формировании народов пермской ветви финно-угорской языковой семьи (удмуртов, коми-пермяков, коми-зырян), финноязычных народов мари, мордвы, муромы, мери и финской подосновы чувашей. Возможно, считает А.Х. Халиков, что ананьинскую общность в этническом отношении можно рассматривать как еще не распавшуюся общность восточного финноязычного ядра. Этой общности в западных районах (вплоть до Прибалтики) соответствовала городецко-дьяковская основа западно-финского ядра.

Список сокращений

- МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт
языка, литературы, истории и экономики
САИ – Свод археологических источников

Учебное издание
Владимир Николаевич Мартьянов
ВОЛГО-КАМЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
Учебное пособие

В авторской редакции
Технический и художественный редактор С.П. Никонов
Верстка, вывод оригинал-макета Л.П. Никоновой

Лицензия ИД №04436 от 03.04.2001 Подписано в печать 10.12.2009.
Формат 60x84/16. Усл.печ. л. 4,0. Тираж 300 Заказ № 64/9.

Издательство Арзамасского государственного педагогического
института имени А.П. Гайдара
607220 г. Арзамас Нижегородской области, ул. К.Маркса, 36
Участок оперативной печати
607220 г. Арзамас Нижегородской области, ул. К.Маркса, 36